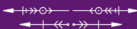

Колдовские
МИРЫ

ПРОТИВ КОГО ДРУЖИМ, СИНЬОРИНЫ?

Татьяна
Коростышевская

**ХРАНИТЕ ВАШУ
БЕЗМЯТЕЖНОСТЬ**

Татьяна Георгиевна Коростышевская

Храните вашу безмятежность

Серия «Аквадоратский цикл», книга 2

indd предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66587454

Татьяна Коростышевская Храните вашу безмятежность:

ISBN 978-5-04-160019-8

Аннотация

Глубоко в сердце каждый житель Аквадораты лелеет желание с чем-нибудь расстаться. Адмирал – с непутевым сыном, князь вампиров – с одиночеством, дож – со своей догарессой, а дона догаресса Филомена Саламандер-Арденте – с невинностью. Причем непременно в объятиях того самого дожа.

И если для этого ей придется раскрыть несколько хитроумных заговоров, найти невесту вампиру, выбить стипендии для не очень благородных девиц и подружиться с пиратами, она справится.

Ах да, есть еще верные подруги. И поверьте: они тоже не дремлют!

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	47
Глава 3	91
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Татьяна Коростышевская

Храните вашу безмятежность

Разработка серийного оформления О. Закис

Иллюстрация на переплете Л. Сова

Серия «Колдовские миры»

© Коростышевская Т.Г., текст, 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Глава 1

Бал у командора да Риальто

Бал на острове Риальто начался в полдень пятницы. Приглашена была, казалось, вся Аквадората. Слуги сбивались с ног, обеспечивая гостей яствами и напитками, музыканты выступали посменно, будто недолгая тишина показалась бы кому-то оскорбительной. Хозяин острова командор да Риальто появился на публике в полдень и удалился, чтоб сбросить силы.

Тишайших супругов, дожа с догарессой, для которых подготовили парадные покои палаццо, ожидали в субботу на закате, и до того времени торжество проходило как бы вполсилы. Синьор Эдуардо, наследник командора, в его отсутствие исполняющий главную роль, развлекался в компании друзей, заняв место во главе огромного стола обеденной залы. Юный да Риальто вскоре должен был отправиться в качестве губернатора на острова Треугольника, и в обществе набирали силу сплетни о том, что таким образом ревнивый дож Муэрто избавляется от соперника в любви.

– Да, да, – шептались в кулуарах, – дона Филомена должна была выйти замуж за бедняжку Эдуардо, все было на мази, даже старший брат синьорины явился в столицу, чтоб отвести ее к алтарю, но его серенити рассудил иначе. Кто может

противостоять дожу?

И все соглашались, что никто, и припоминали, как тишайший Чезаре хитростью и интригами добился четверти и четверти четверти от контракта с рыцарями большой земли. Дож хитроумен, дож богат, и теперь ему принадлежит красивейшая женщина Аквадораты.

– Когда дона Филомена, – распространялись шепотки, – узнала о губернаторстве Эдуардо, она немедленно отказала дожу в близости. Вообразите, у них отдельные спальни. Зарок в честь избавления от чумы? Ах, бросьте. Всем известна настоящая причина супружеского охлаждения.

– Дож запер супругу, – звучало с другой стороны. – Да, да, абсолютно точно. Дона Филомена находится под арестом. Причина? А вы разве не слышали о чудовищном князе Мадичи, который воспылал к догарессе? Разумеется, экселленсе пробудился, и теперь вампиры патрулируют город наравне с ночной стражей. Если после полуночи вы направите свои стопы в сторону дворца дожей, сможете услышать романсы, кои его сиятельство исполняет для прекрасной пленницы.

Главная тема разговоров иногда разбавлялась сплетнями помельче. Например, о наказании маркизета Фоско, уличенного в шулерстве за карточным столом. Опального дворянина под хохот и улюлюканье толпы прогнали через площадь, и он, прикованный к позорному столбу, несколько часов сносил издевательства черни. Теперь маркизет находился в изгнании, возвращаться в столицу ему запретили.

Говорили... А впрочем, какая разница. Публика тоже берегла силы для настоящего торжества.

* * *

Почти две недели я не покидала дворец. Панеттоне, продолжавшая посещать «Нобиле-колледже-рагацце», регулярно передавала мне конспекты, которые я с должным усердием изучала. После прочтения я некоторое время держала бумаги над огнем свечи, чтоб на полях проступили написанные лимонным соком строчки.

«Чезаре отплыл в неизвестном направлении, его сопровождал капитан Саламандер-Арденте. Паола Раффаэле ходит павлином и распускает сплетни. Карла не объявлялась, зато появилась какая-то старуха. Старуха заводит свои порядки».

Что за старуха?

«Маура ее боится. Князь Мадичи каждую ночь исполняет романсы под окном изумрудной спальни».

Зачем на это тратить драгоценную бумагу? Как будто я и без того не знаю, кто стенает у караулки, терзая струны гитары. И хорошо, что его серенити отсутствует, его бы эти песнопения не порадовали. Нет, мне, разумеется, льстит ревность дожа, но дразнить его лишний раз не хочется. Чего добивается экселленсе? Чтоб меня заточили в монастырь?

Припомнив, как орал тишайший Муэрто, я поморщилась.

Форменный болван! И я еще воображала, что смогу его полюбить? Стронцо Чезаре даже не слушал моих доводов. Я, оказывается, легкомысленная кокетка, расточающая любезности вампиру. Я веду себя недостойно. Мне следует подумать о своем поведении, пересмотреть манеры, утихомириться. Под арестом в своей спальне, под охраной дюжины гвардейцев, с решетками на окнах, с запретом прогулок и общения. Как долго? Это будет зависеть от глубины моего раскаяния.

Я, разумеется, тоже наговорила супругу лишнего. О красоте и обходительности экселленсе, которые дадут сто очков вперед злонравию моего фальшивого мужа, о том, что последний мог бы чему-нибудь у первого поучиться, о желании немедленного развода и нежелании утихомириваться.

И каков же результат?

Раздраженно отодвинув подушку, я достала крошечную записную книжку в бархатном переплете. Дневник. Я завела его в тот день, когда вообразила, что влюблена в супруга. На форзаце в обрамлении цветов, сердец и танцующих саламандр стояло его имя – Чезаре Муэрто. Стронцо! Странички заполняла информация, которую я успела собрать расспросами капитана Гаруди. Двадцать девять лет. Отец – Серджио Муэрто – ныне покойный, отошел в мир иной довольно давно и в преклонном возрасте. Мать – Маддалена, проживает на острове Пикколо при тамошнем монастыре. Чезаре покинул Аквадорату после кончины родителя, нанявшись

простым матросом на корабль «Безмятежность», входящий в эскадру тогдашнего дожа Дендулло. Ему было всего пятнадцать, но уже через год он стал капитаном «Безмятежности». Сражения с пиратами в южных морях, захват судов, сделки с островитянами, барыши, личная эскадра.

Страницы шуршали, перелистываясь. Синьор Гаруди оказался просто кладзем информации. Интрижки. Много. Тишайший Муэрто славился своим женолюбием. Несколько серьезных романов. Губернатор острова Помо-Комо пообещал содрать с капитана Муэрто шкуру, если его корабль хоть раз еще бросит якорь в его водах. Судя по наличию кожного покрова, супруг туда не вернулся. Зато дочурка грозного губернатора, синьорина Паола Раффаэле, отправилась за любовником в столицу. Теперь, если верить «лимонным» посланиям Панеттоне, гордится моим унижением.

Я скрипнула зубами от бессильной злобы. Дневник мне теперь не нужен, и, будь в моей комнате камин, книжечка давно уже продолжала бы посмертное существование в виде горстки пепла. Развод! Как только дож вернется в Аквадорату, я его получу!

Не Чезаре, развод.

Достав из переплета карандашик, я дописала под именем супруга: «Стронцо!»

Дверь скрипнула, приоткрывшись, я едва успела спрятать дневник под подушку и принять высокомерный вид. Еду мне приносили трижды в день незнакомые служанки, которым,

видимо, было запрещено со мной разговаривать. Одевалась я сама и делала это тщательно. Заточение – не повод становиться распустехой.

– Филомена!

В спальню проскользнула Маура. Чуть не разревевшись, я сжала подругу в объятиях.

– Панеттоне!

– Аквадоратская львица!

– Ты обманула охрану?

– Он сбрил бороду!

– Как ты?

– И оказался похож на тебя.

– Кто такая старуха? Почему ты так странно одета? Какая борода?

Подруга всхлипнула и захихикала:

– Синьор Филомен вернулся, и я едва его узнала без этой метелки на лице.

– Значит, и Чезаре?..

– И твое заточение окончилось.

Казалось, после этого сообщения я должна была выбежать из комнаты и галопом проследовать на волю, но я пожала плечами и села в кресло у стола.

– Рассказывай. Обо всем с самого начала.

– Сегодня суббота.

– Это не новость. К тому же я считала дни.

– Бал на острове Риальто. – Маура села в другое кресло. –

На закате тишайшая чета со свитой должна его посетить.

– Надеюсь, его серенити получит удовольствие от праздника, как и от того, что супруга не намерена его сопровождать.

– Филомена!

– Новости, Панеттоне.

Подруга послушно кивнула:

– За две недели многое изменилось. Старуха принеслась в столицу, как только до нее дошла весточка о вашем браке. Пользуясь отсутствием дожа, она моментально загребла себе всю возможную власть, наводнила дворец своими шпионами...

– Да кто она такая?

– Твоя свекровь!

– Синьора Маддалена?

– Ее так зовут? – Маура округлила глаза. – Страшная женщина. Помнишь, мы потешались, что директриса сестра Аннунциата насаждает в школе монастырские порядки? Мы ничего о них не знали! Дона Муэрто за несколько дней погрузила дворец в атмосферу строгости и набожности. Тебе нравится мое платье?

Я посмотрела на черно-серый наряд фрейлины и покачала головой.

– Мы теперь все так одеваемся, – пожаловалась Маура. – Старуха велела спрятать в сундуки все шелка и бархат, все маски и кружева. Артуро у нее под каблуком, ни слова воз-

ражения пискнуть не смеет. Официально Аквадората придерживается благодарственного поста в честь избавления города от чумы.

– Вся Аквадората?

– Ах нет, так далеко власть старухи не распространяется. За стенами дворца продолжается обычная жизнь, но мы должны молиться от рассвета до заката, смех и улыбки под запретом. Ну ничего, сегодня этот нелепый пост закончится.

И дона да Риальто принялась мечтать, какое миленькое платьице будет на ней уже нынче вечером. Потом ее мысли перескочили на школу, и она в красках поведала мне, как Голубка Паола кичится, являясь в «Нобиле-колледже-рагацце» в моей гондоле, как принимает поклонение городской публики, притворяясь мною.

– Она настроила против тебя всех учениц, распуская сплетни об интрижках догарессы. – Маура вздохнула. – Будь со мною Карла, вдвоем мы могли бы противостоять лживым обвинениям.

– От Маламоко нет вестей?

– Нет, – грустно ответила подруга.

– Это хорошо, – решила я. – Значит, Карла в порядке.

– Надеюсь. Ну что ж, моя догаресса, давай отправимся поприветствовать дожа?

– Без меня, Панеттоне.

– Что?

– Ступай, милая. Я останусь здесь и не сдвинусь с места,

пока тишайший Муэрто лично не принесет мне извинений за арест.

– Филомена, – примирительно начала Маура, – тебя заперли для твоей же безопасности. Его серенити встревожили покушения, и он...

– Ступай.

– Разве у него не было повода проявить строгость?

– Разве у него нет рта, чтоб сообщить мне о своей тревоге? Нет, Маура, поведение тишайшего можно объяснить, но не оправдать.

– Любящая женщина должна прощать ошибки супруга.

– Расскажи об этом любящей женщине лично, здесь таких нет.

Золотистые бровки доны да Риальто приподнялись:

– Ты не влюблена в Чезаре?

Я хмыкнула.

– Не значит ли это, что у моего беспутного братца появился шанс отвоевать твое мятежное сердце? – проворковала Маура.

Я поморщилась.

– Нет? – Оживившаяся было Панеттоне погрустнела. – Хорошо. Я передам его серенити твое пожелание.

Она удалилась. Я заперла за ней дверь, задвинула внутренний засов и стала ждать.

Через четверть часа ко мне постучали. Горничная Инес предлагала мне переодеться в бальный наряд. Ответа она не

удостоилась, как и горничная Констанс, принеся вино и закуски, как и синьор Копальди, интересующийся, все ли со мной в порядке.

Звук передвигаемого мною комода ушей секретаря, наконец, достиг. Я баррикадировала вход на случай, если он велит стражникам выламывать двери.

Дона Сальваторе, непривычно приветливая, уговаривала меня выйти, ей вторила нежным голоском Паола. Синьорини сулили мне торжественную встречу и сообщали, что супруг мой, тишайший Муэрто, ожидает меня в малой зале.

Я молчала.

Незнакомая девица строгим тоном передала приглашение от свекрови.

Я молчала.

– Филомена, – прогрохотало из коридора, – брось ребячиться.

– Ты сбрил свою ужасную бороду? – прокричала я, узнав голос брата. – Куда ты возил этого стро... своего нового родственника?

– Выйди, расскажу.

– Мне не настолько любопытно, – отрезала я и опять замолчала.

Филомен характер мой знал прекрасно, поэтому настаивать не стал.

– Изолла-ди-кристалло, – сообщил он в замочную скважину.

Я легла животом на комод и прижала ухо к двери:

– И что вы там искали?

– Да что там есть? – хмыкнул братец. – Твой муж просто хотел побывать на нашем атолле. Ты знала, что по документам владения этот клочок суши переходит первому наследнику третьего поколения Саламандер-Арденте?

– Ну да. Остров является частью приданого нашей ма-тушки, и по решению ее родителя... – Я запнулась, потому что, произнесенное вслух, это решение вдруг показалось мне странным. – Тебя что, не заставляли изучать семейный архив?

Он ответил что-то вроде того, что крюкотворство никогда его не занимало. Мы немного поболтали о родителях, о том, что, не будь Филодор, наш второй брат, таким книжным червем, он давно устроил бы нам наследника в третьем поколении, что на остальных надежды мало, потому что Флоримон еще слишком молод, а близнецы – балбесы.

Филомен вздохнул оттого, что мой супруг бесплоден. Я спросила, только ли вся Аквадората осведомлена о недостатках дожа, или это обсуждается и на материке. Ответ обогатил меня нелепой историей о форколских сиренах, наколдовавших синьору Муэрто бездетную будущность. Мы похихикали, вспомнили согбенную Атаргате с проплешинами на чешуйчатом хвосте, матриарха Форколы.

Тут нас прервал тишайший Муэрто, строгим голосом спросивший любезного шурина, что в русалочьей истории

его забавляет. Тот заверил, что история его восхищает и приводит в трепет.

Дождь отправил синьора Саламандер-Арденте... Я не услышала куда, но, видимо, там ему будет сподручнее трепетать. Вослед брату в это благословенное место были отправлены все.

То есть Чезаре проорал:

– Все вон! – И многозначительно засопел в замочную скважину.

Я потянула носом. От супруга пахло вином. Захотелось пить. Поэтому я сползла с комода и отправилась к столу, на котором стоял кувшин с водой.

Он опустел примерно на треть, когда наконец до меня донеслось заунывное:

– Чего ты хочешь, Филомена?

Неторопливо загибая пальцы, я начала перечислять все свои желания. Там было и звание первой ученицы «Нобиле-колледже-рагацце», и белый пони с розовым бантом в гриве, и чтоб тишайший супруг провалился к черту.

Мне пообещали пони.

Я захотела личную гондолу, только не черную, а красную с золотыми веслами.

Мне ее посулили.

Желаний не осталось, и я попросила развод.

За дверью стало тихо. Испугавшись, что Чезаре обиделся и ушел, я опять взобралась на комод, прислушиваясь.

– Хорошо, – сказал дож наконец. – Ты его получишь.

– Когда?

Он опять помолчал.

– Сегодня после бала.

Что ему стоило просто извиниться? Кто мешал?

Ну и ладно, и пожалуйста. Тишайший супруг желает развода? Пусть!

Опомнись, Филомена! Ты на этом настояла.

Потому что он не попросил прощения! Это он, Чезаре, загнал меня в угол, вынудив тем самым...

Тут я приказала мыслям заткнуться, они становились слишком несправедливыми. Правы они были лишь в одном: я загнана в угол.

Комод отодвигался гораздо медленнее, чем до этого двигался. Ножки скрипели по паркету, оставляя на нем борозды. Ну и пусть.

Я распахнула дверь и присела в реверансе:

– Приветствую, ваша серенити. Удачным ли было ваше путешествие? Здоровы ли вы? В порядке ли аппетит?

Тишайший Муэрто, в парче и золоченой шапке, уточнил, не буду ли я также интересоваться его стулом, имея в виду отнюдь не предмет мебели.

Слегка покраснев, я потупилась и осведомилась о причине визита драгоценного супруга. Дождь крякнул и, кажется, обратился к небесам, прежде чем сообщить мне, что его благочестивой матушке не терпится познакомиться с невесткой.

Я возразила, что незачем пожилой синьоре напрягаться, запоминая обличье и имя той, которая невесткой ее через несколько часов быть перестанет, потому что вскорости благочестивой доне Мадалене придется лицезреть другую невестку.

Его серенити заверил меня, что родительница крепче, чем может показаться на первый взгляд, а сам предпочитает умереть холостым, и что именно безбрачие позволит ему совершить это в преклонном возрасте, так как я уже почти загнала его в могилу.

Пикировка немало меня взбодрила. Чезаре, кажется, тоже получал от нее удовольствие. Выглядел супруг великолепно, свежий морской воздух пошел ему на пользу.

– Вы плакали?

Да. Не смогла сдержать слез, когда вы бестрепетно согласились на развод. Вот так я должна ответить?

Шмыгнув носом, я покачала головой.

Супруг предложил мне руку, на которую я оперлась. Мы вышли из спальни, беседуя о музыке.

Свекровь ожидала нас в малой зале приемов.

Гвардейский караул отдал нам честь.

– Капитан Гаруди сегодня не на службе? – спросила я, приветливо кивнув незнакомым стражникам.

– Синьор Гаруди теперь служит Аквадорате за ее пределами, – скучно ответил дож, – по причине своей излишней болтливости.

Я смутилась, поняв, что вина за изгнание бравого капитана лежит на мне и моем любопытстве.

Лакеи распахнули двустворчатые двери малой залы. Тишайший вперед меня не пропустил, этого не позволял протокол. Шагнул через порог первым, я – отстав на полшага. Синьора Муэрто восседала на резном стуле, прямая и недвижимая, как надгробная статуя.

– Матушка, – сказал его серенити, – позволь представить тебе мою супругу дону Филомену.

Доне Маддалене было крепко за сорок, даже ближе к пятидесяти, но старухой я не назвала бы ее даже по злобе. Свежее четкое лицо со смуглой кожей оливкового оттенка, прищущего уроженцам далекого юга, ни следа седины в смоляных волосах, разделенных пробором на две части и забранных под кружевную накидку, хорошие зубы. В последнем я удостоверилась по причине брезгливой гримасы, заставившей тишайшую свекровь приподнять верхнюю губу. И глаза, светло-зелено-голубые, даже светлее, чем у ее сына, глядели на меня без восторга.

Присев в реверансе, я опустилась на свободный стул подле супруга и чинно сложила руки. Ладони доны Маддалены покоились на наверху трости, видимо, наличие этого аксессуара и послужило причиной нелестного прозвища, которым наградила ее моя главная фрейлина.

Маура тоже была здесь, в зале, и синьорины Раффаэле с Сальваторе, и пара статных незнакомых синьор, и десяток

служанок, почтительно ожидающих указаний у дальней стены. Кракен меня раздери! Сцена была обставлена так, что казалось, что синьора Муэрто здесь хозяйка, и это ее слуги, ее фрейлины и ее Артуро. Синьор Копальди восседал по правую руку от матушки Чезаре и выражал видом своим некоторое смущение.

Исподволь осмотревшись, я заметила, что по центру малой залы будто проведена невидимая черта. С одной стороны ее были я и дож, с другой – все остальные. Как на шахматной доске. Или на поле боя.

Дождя напряжения, повисшего в воздухе, не замечал. Он беседовал с матушкой, рассказывая ей о путешествии к Трапанскому архипелагу, сокрушался, что не знал о прибытии родительницы и не задержался, чтоб ее встретить.

Та на сыночка не смотрела, рассеянно кивала, велела слугам принести вина и закусок, велела Артуро велеть выдвинуть из угла стол и сервировать его, велела Паоле принести шаль, Бьянке – догнать Паолу, чтоб шаль не приносить, Мауре... Впрочем, я не вникала. Обилие противоречивых приказов создавало гнетущую атмосферу приближающегося хаоса. Исключенная из беседы, я эту атмосферу ощущала в полной мере. Меня бросало попеременно то в жар, то в холод, губы пересохли, я поминутно их облизывала.

Стронцо Чезаре, ты не мог поговорить с матерью наедине, как только вернулся в столицу? Что за балаган? Ах, супруга, оказывается, не томилась две недели в заточении, а болела?

Лжец. А вы, дона Мадалена, воображаете, что здесь никто не умеет считать? Вы не успели бы доплыть с Пикколо в Аквадорату за те несколько дней, что прошли с момента свадьбы. Известие застало вас в пути. Это точно, как дважды два. Поэтому вы сейчас преподносите новобрачным какое-то дубовое распятие, видимо, первое, что попало под руку в дорожном сундуке. И что это за отношения между матерью и сыном? Или они оба сейчас играют на публику?

Соберись, Филомена. Все происходящее тебя вовсе не касается. Вечером ты получишь свободу и забудешь дворец как забавный сон.

Эта мысль меня подбодрила. К тому же внесли закуски.

Сыр, оливки, вино, нежнейший паштет, свежие булочки, холодное масло. Яства манили, я едва терпела, пока запуганный молодой человек снимет с них пробу, чтоб приступить к трапезе.

– Слухи о красоте доны догарессы несколько преувеличены, – сообщила синьора Мадалена в пространство. – Или болезнь, удерживающая ее в постели прошедшие дни, оставила на ее лице свои следы.

Пробовальщик стоял, зажмурив глаза, прислушиваясь к своим ощущениям. Я медово улыбнулась:

– Красота юных дев столь быстротечна, не правда ли, драгоценная матушка?

Та вздрогнула, будто до этого считала меня немой, и сообщила, что первой женской добродетелью считается

скромность.

Я не спорила, лишь сообщила, что моей скромностью можно загрузить трюмы целой флотилии и экспортировать эту добродетель за пределы безмятежной Аквадораты.

Чезаре тихонько фыркнул, сдерживая смешок, и пригласил нас пересесть к столу.

Отвлечшись едой, я ненадолго упустила нить беседы. Све-кровь ограничилась стаканом воды.

– Кроме скромности дона догаресса обладает отменным аппетитом, – сказала она. – Не опасаетесь располнеть?

Голубка Паола хихикнула в свой стакан, она тоже пости-лась. Притвора.

– Чезаре будет любить меня и толстушкой. – Я подмигнула супругу. – Не правда ли, дорогой?

– Конечно, тесоро, чем больше тебя будет, тем богаче ста-ну я, обладающий этой драгоценностью.

Взяв меня за руку и чудом избежав выкалывания глаза вилкой, которую я не успела отложить, тишайший чмокнул мои пальцы. Свекровь поморщилась, но смолчала.

Ну, то есть она продолжала метать свои стрелы. Дворцо-вые слуги, оказывается, нерасторопны, уборщики неряшли-вы, горничные кокетки, и не будь здоровье доны догарессы столь слабым, она, разумеется, смогла бы исправить все хо-зяйственные недостатки. К счастью, у полудохлой невестки есть она, благочестивая вдова Муэрто.

Дождь соглашался с каждым словом родительницы, поигры-

вая кольцом на моем безымянном пальце. Вилку мне приходилось держать в левой руке.

– Под окнами дворца после заката собираются какие-то странные личности, – продолжала дона Маддалена, – пьянчужки, гуляки... вампиры!

– Насколько мне доложили, матушка, – отвечал Чезаре, – вампир был только один, предводитель Ночных господ князь Мадичи. И, кажется, после вчерашнего душа... Скажите, кому пришло в голову окатить экселленсе святой водой?

– Обычная ночному синьору нисколько не вредила.

– Bravo, матушка.

– Его сиятельство мертв? – встревожилась я.

Две пары светлых глаз встретились, и похожие лица Мурто озарили похожие саркастичные улыбки.

– Вампира невозможно убить, – протянула свекровь. – Даже если вонзить осиновый кол в сердце, сжечь тело и развеять пепел. Непременно через какое-то время, даже через сто или двести лет, капелька человеческой крови, угодившая на частичку праха, возродит чудовище.

– А святая вода?

– Заставит сиятельного Лукрецио несколько ночей провести в постели, – сказал Чезаре. – Ну или где он притворяется спящим.

Синьор Копальди многозначительно кашлянул, дож отпустил мою руку.

– Драгоценные дамы, вынужден вас покинуть.

И он ушел, оставив меня на растерзание.

Некоторое время в зале раздавались лишь позвякивания столовых приборов.

– Чем занимается ваша семья, Филомена? – спросила матрона, прервав молчание.

– Разведением саламандр.

– Это приносит прибыль?

– Изрядную, – пожалала я плечами. – Главным образом в отсутствие конкуренции.

– Каково ваше приданое? Не знаете?

Смутившись, я пробормотала:

– Разумеется, мой батюшка передаст его серенити все, ему причитающееся.

– Разумеется, – хмыкнула свекровь с таким видом, будто собиралась контролировать это лично. – Когда синьор Саламандер-Арденте нанесет нам визит?

– В ближайшее время, – заверила я. – Они с матушкой собирались присутствовать на выпуске из «Нобиле-колледже-рагацце».

– Ах да, школа благородных девиц. – Дона Муэрто посмотрела на Паолу. – Вы, кажется, достигли каких-то успехов в учебе?

Голубка скривилась, я кивнула:

– Уверена, матушке не придется за меня краснеть. Мы изучаем математику и литературу, астрономию, музыку, танцы.

– И прочие бесполезные в семейной жизни премудрости.

– Мудрость, необходимую в браке, я надеюсь почерпнуть от вас.

Свекровь фыркнула:

– Льстивая гордячка. Какое редкое сочетание.

Я ей не нравилась. Это было бы обидно, не пообещай мне

Чезаре развода.

Ссориться не хотелось. Есть тоже. Мы помолчали.

Маура неуверенно кашлянула:

– Торжественная процессия к острову Риальто отправляется через два часа. Синьорам требуется переодеться.

– Успеется, – отмахнулась свекровь.

Мы опять помолчали. Часы на башне Четырех отбили половину чего-то.

– Как вы познакомились с дожем? – спросила старуха.

– Море подарило нам встречу, – улыбнулась я. – Наверняка матушке уже сообщили все подробности.

– И довольно противоречивые.

– Мне нечего к ним добавить.

– То есть ты, влюбившись в симпатичного синьора и узнав, кем он является, попросила князя Мадичи заколотить себя в подарочный сундук и отдалась на волю волн?

Я посмотрела на дону Раффаэле и укоризненно покачала головой:

– Так вот, значит, какими слухами...

– Отвечай! – Клюка стукнула о паркет.

– Нет! Никакой любви к вашему сыну не было. Была нелепая случайность, обернувшаяся эффектной встречей. И, поверьте, брака с тишайшим Муэрто я не желала.

– Почему ты ответила «да» у алтаря?

Какой прямой вопрос, и ответа на него у меня не было. Матрона смотрела на меня.

– Итак, мой единственный сын, мой наследник, дож безмятежной Аквадораты оказался скован брачными обетами с девицей, добродетель которой под вопросом, происхождение туманно, а достаток мизерен. С болезненной девицей, якшающейся с вампирами! И ко всему, эта... – Я готова была поклясться, что слово, замаскированное сухим кашлем, не имело к набожности и приличиям не малейшего отношения. – Ты не любишь своего мужа!

– А что, любовь в браке обязательна? – воскликнула я с обидой. – Вы сами, матушка, пылали страстью, отправляясь под венец с Серджио Муэрто?

Я знала, что разница в возрасте родителей Чезаре была чудовищной. Новобрачный был старше супруги на тридцать лет, тем удивительней мне было услышать ответ свекрови.

– Да! Представь себе, да! И мой батюшка дал согласие на брак, лишь удостоверившись, что чувства мои крепки и неизбывны. И я была верна своему мужу и подарила ему свою невинность, свою страсть и свою любовь.

– И приданое, – вздохнула я, поняв, что уколоть собеседницу не удастся.

– Отсутствие последнего я компенсировала добродетелями!

Дона Муэрто орала. Я испуганно вспомнила, что в девичестве она носила фамилию Маламоко и принадлежала к дальней захиревшей ветви этого достойного, но бедного рода. Итак, свекровь я невольно все же уязвила.

– Маура, – велела она, отдышавшись. – Отведи дону догарессу переодеться.

Я поднялась из-за стола. Наверное, мне следовало извиниться. Но зачем? Благочестивая матушка его серенити уже все для себя решила. Я – жалкая интриганка, добившаяся брака без любви. Ничего, ей недолго терпеть меня рядом. Исполнив роль подле супруга на сегодняшнем торжестве, я покину дворец. И пусть они без меня подыскивают Чезаре достойную и любящую спутницу жизни.

Только почему я плачу? Почему не могу сдержать слез обиды и разочарования?

Свекровь на меня не смотрела, зато я встретила торжествующий взгляд Голубки Раффаэле. Бриллиантовое кольцо на ее пальце нестерпимо блеснуло. Я знала, что оно было подарком Чезаре, знаком любви, и это знание заставило меня покачнуться.

– Пойдем, – шепнула Маура, придерживая мой локоть.

Прикосновение к другому заставило меня повернуть голову. Маркизета Сальваторе потупилась:

– Помощь вам не помешает.

Из малой залы приемов мы вышли втроем.

– Не реви. – Панеттоне промокнула мне лицо кружевным платочком. – Старуха умеет уязвить.

– Если вампиры пьют кровь, эта женщина питается девичьими слезами, – пробормотала Бьянка.

Дружелюбие Сальваторе удивляло, но потом я догадалась, что маркизету, наверное, приставили ко мне шпионить. То есть приставила Голубка Паола, ее задушевная подруга.

Разумеется, под надзором о беседе с Маурой можно было забыть.

– Где разместилась свита доны Муэрто? – задала я первый пришедший в голову нейтральный вопрос.

– Благочестивая вдова обошлась без сопровождения.

– Неужели?

– Ну да, – Панеттоне фыркнула. – Прихромала к дворцовым воротам в монашеском рубище и колотила клюкой в створки, пока ей их не отворили.

– Как любопытно. – Я даже замедлила шаг. – А какое судно доставило нам драгоценную гостью?

– Я спрашивала синьора Копальди, но он тоже этого не знает.

Да уж, будь с нами Карла, мы бы не остались в неведении. Однако Бьянку следовало куда-нибудь сплавить. Мы с Маурой многозначительно переглядывались и шевелили бровями.

– Филомена! – Каблуки брата громыхнули по паркету,

когда он спрыгнул с подоконника. – Чезаре сказал, что я смогу дождаться тебя здесь.

Руки фрейлин на моих локтях разжались, и я бросилась на грудь Филомену. Беседа со свекровью меня опустошила. Синьорины отошли, чтоб не мешать родственной встрече.

– Ревешь? – шепнул братец.

– А что еще остается?

– Приводить себя в порядок и копить силы. Чезаре обещает нам суматошный вечер.

– Стронцо Чезаре.

– Не помирились?

– Он хочет развестись.

– Ну.

– Что ну?

– Ты ведь сама этого хотела?

– Теперь не хочу.

– Так скажи ему об этом.

– Пусть он скажет первым.

– Что?

– Что любит меня и будет мне верен.

– Чезаре думает, что ты не примешь его чувств.

– Это он тебе сказал?

– Филомена... – Брат обнял меня за плечи и подвел к подоконнику. – Не знаю, как вам с его серенити удалось в столь рекордные сроки устроить такие чувственные шторма...

Он развернул меня, придержал за талию и усадил на ши-

рокий подоконник лицом к себе.

– Вам нужно самим с этим разобраться. Поставь себя на минуточку на место тишайшего. Ему в жены досталась юная особа, у которой семь пятниц на неделе, честолюбивые мечты и жизненные планы. Он попросту растерян. Ты доказала дожу, что его достойна. Ты изгнала из лагуны древнее чудовище, разобралась с городским мусором, стала символом благоволения моря к безмятежной Аквадорате. Разумеется, Чезаре не хочет тебя отпускать.

– Развод, Филомен, – напомнила я, болтая ногами в воздухе.

– Ты сама о нем твердишь.

– И что? У меня ведь семь пятниц на неделе. Неужели так трудно хотя бы попытаться добиться моей любви? Между прочим, я почти открытым текстом сообщила Чезаре о том, что согласна разделить супружеское ложе. И знаешь, что он ответил? Что не может иметь детей!

– Бесплодие его печалит.

– И запер меня в спальне!

– Для твоей безопасности.

– Хоть ты не повторяй эту нелепую байку. Моя безопасность! Он просто не желал, чтоб я встречалась с экселленсе в его отсутствие. Чезаре ревнует свою нелюбимую супругу.

– И именно поэтому не изгнал вампира из столицы, а приспособил его патрулировать улицы.

Уже готовыми излиться возражениями я чуть не подави-

лась.

– Во дворце водятся крысы, – зашептал брат, наклонившись ко мне. – Чезаре не знает, кто именно, поэтому на всякий случай изолировал тебя ото всех.

– Что вы искали с ним на Изолла-ди-кристалло?

– Ты наконец начинаешь думать, сестренка. – Филомен улыбнулся. – За наш семейный атолл разгорелась нешуточная подковерная битва. Мы не знаем, что именно там расположено, но командор да Риальто расширяется в лепешку, пытаясь завладеть островом. То есть твой идеальный роман с юным Эдуардо был всего лишь частью игры патриция.

– Какая чушь!

– Мы с Чезаре так не думаем.

Они с Чезаре! Вы подумайте, они с Чезаре!

– Ерунда.

– Спорим?

– И как я узнаю, что победила?

– Если сегодняшний бал пройдет без происшествий, я... – Синие глаза Филомена загорелись азартом. – Чего хочешь?

– Ты принесешь мне клюку доны Муэрто, и мы вместе спалим поганую палку в камине.

– По рукам! Но если я окажусь прав, ты, дона догаресса, помиришься с мужем.

– Вот еще! Но ладно, спор есть спор. – Мы скрепили его рукопожатием. – Что именно должно произойти сегодня на острове командора?

– Кого-нибудь из Саламандер-Арденте попытаются принудить к браку с кем-нибудь из да Риальто.

– Что? – Я посмотрела на Панеттоне, подпирающую стену в конце коридора. – Ты и Маура?

– Или ты и Эдуардо.

– Но...

– Вот увидишь, все именно так и произойдет.

– Но...

– И поймешь, когда это начнет происходить. – Филомен щелкнул меня по носу. – А пока подумай вот о чем: где в войне за остров самое безопасное место для юной синьоры детородного возраста? Уж не подле ли бесплодного супруга?

Я подумала, ахнула, подумала еще. Если это война, могут быть и жертвы.

– Что с нашими братьями? Филодор на материке. Ему грозит опасность.

– Дожд отправил за ним капитана Гаруди, надеюсь, наш профессор уже воссоединился с прочими родственниками на Саламандер.

– Гаруди?

– Он с отрядом стражи должен охранять нашу семью на острове.

Новости стоили двух недель заточения, каждого дня, каждой минуты.

– Прекрасно, – прошептала я.

– Ну, Филомена, теперь ты поняла, сколь предусмотрите-

лен, хитер и благороден супруг, подаренный тебе морем?

– Благороден? Разумеется, Чезаре хочет Изолла-ди-кристалло себе. Бесплодие этому мешает. И теперь его серенити заведет себе целую ферму Саламандер-Арденте, подбирая им самок для продолжения рода...

– Дурочка.

– Сам такой.

– О разведении Саламандер-Арденте в неволе мы подумаем потом.

– Уж я не позволю тебе об этом забыть.

Филомен потянул меня к себе, сняв с подоконника, и шлепнул пониже спины.

– Ступай, дона догаресса, готовься к балу.

– А ты думай, как похитить клюку.

И, оставив последнее слово за собой, я гордо удалилась.

– Без бороды синьору Филомену гораздо лучше, – сказала Маура, беря меня под локоть. – Он перестал напоминать древнее мохнатое чудовище.

– Кстати! – Остановившись, я всплеснула руками, будто только что вспомнив нечто важное. – Бьянка, мой крайне провинциальный брат не в состоянии подобрать вечерний костюм для торжества. Не будешь ли ты столь любезна...

Просьбы я не закончила: маркизета Сальваторе уже выбивала каблучками дробь, устремившись вдогонку за рыжим капитаном.

От шпионки я избавилась, но как теперь, после того, что

узнала, вести себя с Панеттоне, не представляла. Если Филомен прав (они с Чезаре правы!), дона да Риальто нынче вечером собирается окрутить одного из Саламандер-Арденте.

Наряды ждали нас в фисташковой гостиной, над ними хлопотали все пять горничных.

– Ванна для доны догарессы?

– Готова.

– Украшения?

– Их сейчас доставят.

– Белила, румяна, сурьма?

– Свежайшие. Мы получили их от дворцового парфюмера и опробовали на синьоре Тучио.

Дона да Риальто, в отсутствие доны Муэрто вернувшая себе командирские замашки, посмотрела в угол комнаты, где в кресле дрожал молодой человек. Кажется, он был виконтом, одним из наследников благородных фамилий, исполняющих повинность пробовальщиков при тишайшем Чезаре. Его серенити полагал, что, если кто-нибудь из благородных патрициев желает его отравить, опасность травануть за компанию и своего отпрыска желание это несколько приглушит. Резонно полагал.

Косметика также могла быть ядовитой. Юный Тучио с насурьмленными бровями, нарумяненными щеками и забеленным лицом – сквозь белила пробивалась некоторая общая зеленоватость кожи – трясся от страха. Рукава молодого человека были закатаны по локоть, мокрые манжеты обвисли.

Значит, синьора заставили опробовать также ароматные соли для ванны.

Маура повела меня через свою спальню.

– Виконт, можете быть свободны. Констанс, Ангела, за мной. Филомена, не дергайся. Девушки должны тебя раздеть.

Опустившись в горячую воду, я прикрыла глаза.

Панеттоне не крыса. Абсолютно точно. Она моя подруга, самая близкая, почти сестра. Она не может замышлять против меня. Не должна.

Горничные наносили на мою голову ароматную пузырящуюся мазь.

– Тебе нравится Филомен? – спросила я Мауру, сидящую у бортика на низкой скамеечке.

– Что? – удивилась она. – Что заставило тебя так подумать?

– Брат уверен, что ты с ним заигрываешь.

– Неужели?

Глаз я не открывала, мне хватало фальши в ее голосе.

– Он интересовался у меня, свободно ли сердце доны да Риальто.

– И что ты ответила?

– Что Маура предпочитает худощавых брюнетов и что ему следует адресовать этот вопрос лично ей.

Ангела попросила меня сесть, чтобы ополоснуть волосы, и разговор ненадолго прервался. Констанс прошлась по ко-

же жесткой мочалкой, мои волосы обернули горячим полотенцем.

– Отдыхайте, дона догаресса, – сказала горничная. – Через четверть часа мы поможем вам подняться.

Дверь ванной комнаты закрылась. Мы с Маурой остались наедине.

– Филомена, – подруга говорила негромко и будто через силу, – мне нужно признаться тебе...

Она запнулась, махнула рукой и, решившись, продолжила уверенно:

– Мой отец желает получить один из островов, принадлежащих Саламандер-Арденте. Не перебивай. Я закончу, а потом ты решишь, простить меня или... или прогнать от себя навеки. Эдуардо...

И сдобная булочка Панеттоне рассказала мне все. Как оказалась в «Нобиле-колледже-рагацце», чтоб подружиться со мной, как подучила Эдуардо, что и как говорить, чтоб вызвать во мне нежные чувства, как сокрушалась, когда наследник да Риальто повел себя недостойно, и сокрушалась вовсе не его поведением, а тем, что моя любовь от этого умирала.

– Это была трусость, Филомена. Трусость и подлость. Я знала, что, когда с крючка соскользнешь ты, следующей приманкой отец изберет единственную дочь. Даже когда ты вышла за Чезаре, я надеялась, что после развода Эдуардо... Он ведь не злодей, просто слабовольный и подверженный...

Маура всхлипывала, размазывала по щекам слезы.

– Теперь я должна... капитан Саламандер-Арденте... Нет, ты не подумай, он симпатичный синьор, недаром Бьянка пускает на него слюни...

– Маркизета Сальваторе? – перебила я стенания. – Ей нравится Филомен?

– А что тебя удивляет?

– Она с моим братом из разных вселенных.

– Между прочим, – Панеттоне недовольно шмыгнула носом, – я признаюсь тебе в страшных преступлениях, а тебе интересна какая-то Бьянка?

– Я думала, признания закончились.

– И?

– Что и? Ты призналась, я приняла к сведению. Значит, Сальваторе стала такой милой ко мне, потому что...

Расхохотавшись, я хлопнула ладонью по воде, подняв брызги.

– Мне уйти?

– Что? – Я поправила сползшее на глаза полотенце и посмотрела на Мауру. – Зачем?

– Я предательница.

– Если бы ты продолжала скрываться, – скопировала я назидательный тон сестры Аннунциаты, нашей директрисы, – тогда, пожалуй, нашей дружбе пришел бы конец. Но ты призналась. К тому же, милая Панеттоне, мне понятно, что сейчас ты попираешь дочернее смирение, приняв мою сторону. Это дорогого стоит.

– Я грешница.

– Ты хороший человек и хорошая подруга.

– Карла тоже так говорила, – вздохнула Маура.

– Она знала?

– Конечно. Не представляю, что вообще может укрыться от доны Маламоко.

– Эх, будь с нами наша Галка, мы провернули бы нынче такое представление! Кстати, что ты подготовила? Как предполагалось заставить моего рыжего оболтуса просить твоей руки?

– Ничего я не делала. Все, что от меня требовалось, – прибыть на остров в составе свиты его серенити. Думаю, батюшка уже расставил все силки и загонщики ожидают сигнала в засаде.

– Эх, будь с нами Карла... Знаешь, а ведь она предупредила меня об Эдуардо почти с самого начала. Видимо, синьорина Маламоко составила о нем представление по твоим рассказам. Она ему не доверяла. Конечно, парень, бросивший в воду не умеющую плавать сестренку...

Маура схватила мое запястье:

– О чем ты?

– Карла сказала, что на острове Мурано с причала тебя толкнул именно Эдуардо. Тебя это удивляет? – Мою скользкую руку подруга не удержала, я опять подняла фонтан брызг. – Панеттоне, что случилось?

Синьорина да Риальто распахнула дверь в спальню, ис-

чезла за ней. До меня донесся звук передвигаемой мебели, скрип. Не выдержав, я выбралась из ванны и пошлепала за Маурой, оставляя мокрые следы на плиточном полу и затем на паркете.

– Понимаешь ли, Филомена, – сказала Панеттоне, стоя на коленях перед открытым сундуком синьорины Маламоко, – о том, что в воду меня бросил именно Эдуардо, я никому не рассказывала, никогда, даже батюшке. Братец так страшился наказания, что буквально вымолил мое молчание. Поэтому мы придумали ватагу островных сорванцов, которых и обвинили в несчастье. Правду знали лишь мы с Эдуардо.

Я опустилась рядом с подругой, помогая ей вытаскивать из сундука глянцевые маски Ньяга, плащи, ножны, кинжалы, тубусы с какими-то бумагами, стопки писем.

– Ты хочешь сказать, – примерив кошачью маску, я ощутила едва заметный аромат сандала, так пахла Карла, – наша Таккола тоже там присутствовала?

– Именно! Только, вот незадача, никаких девчонок я что-то не припомню.

Под руку попался кожаный несессер, я раскрыла его.

– Кракен меня раздери!

Внутри лежал бритвенный прибор: помазок, складное лезвие, брусок мыльного камня и чашечка для взбивания пены.

– Святые небеса!

Маура растянула шнурок атласного мешочка и вытряхну-

ла содержимое себе на ладонь. Колечко было крошечным, выросшей синьорине да Риальто оно могло налезть разве что на мизинец. Она туда его и надела.

– Твое?

– Разумеется. Матушка, с детства пытающаяся привить мне хороший вкус, считала, что сапфиры подходят к оттенку моих глаз.

Я посмотрела ей в лицо:

– Не подходят.

– Тогда подходили. Три сапфира, черная эмаль. Это мое кольцо, которое я отдала за спасение мальчишке-рыбаку на острове Мурано.

– Значит, Карла на самом деле, наверное, Карло. Помнишь, она говорила, что в их семье рождаются одни мальчишки. И что ее батюшка обрадовался...

– И решил сделать девочку себе сам.

Этого Карла не говорила, но я согласно кивнула.

– Ньяга. Эту маску носят мужчины, притворяющиеся женщинами.

– Высокие воротники. Конечно, лицо можно побрить, а кадык приходится прятать.

– Мы ничего не замечали.

– Потому что наивные дуры. Он видел нас голыми.

– А мы его нет.

– Ну и зачем ты это сейчас сказала?

Я пожала плечами:

– Потому что это правда. А ты с ним еще и спала. И обнималась постоянно.

– Это ты еще не знаешь, что иногда я целовала эти лживые губы, когда он... она...

– В смысле?

– Я думала, что мне нравятся женщины! Боже мой, я ведь воображала себя грешницей. – Маура принялась забрасывать вещи обратно в сундук. – Когда я поняла, что меня влечет к подруге, я так испугалась. А он, черноглазый лживый ублюдок, наверное, потешался надо мной. Зато мне теперь понятен запрет его серенити на посещение доной Маламоко твоей спальни.

– Он знал!

– Разумеется. Они ведь кузены. А знаешь, кто еще знал? Экселленсе. Чудовищный князь так многозначительно подчеркивал «и» в слове «рагацци», когда говорил о Маламоко. Понимаешь, он называл их в мужском роде!

– Наверное, – сказала я вдумчиво, – запах мужчины чем-то отличается от женского. Погоди. Ты влюблена в Карло Маламоко?

– Дошло наконец?

– И что же теперь делать?

– Я убью этого черноглазого ублюдка, когда он вернется.

– Он вернется?

– Конечно. В сундуке остались метрики на женское имя, я только что их просмотрела.

– А еще ему понадобится свидетельство об окончании школы. Ты не хочешь вернуть на место кольцо?

– Хочу, – пропыхтела Маура, – но не могу его снять.

Мы пошли в ванную, чтоб воспользоваться мылом. Ободок соскользнул с пухлого пальчика, и Панеттоне счастливо выдохнула. В этот момент до нас донесся звук шагов, девушка спрятала колечко на груди.

Вернулись горничные. Меня засунули обратно в ванну, добавили кипятка, оттерли ноги мочалкой. Пока я стоически сносила пытки, дона да Риальто не находила себе места. Она то хмурилась, то саркастично ухмылялась, прищуривала и округляла глаза, рука ее поминутно ныряла в декольте, а ноги мерили шагами плитки мозаичного пола.

– Повесь кольцо на цепочку, и дело с концом, – предложила я.

– Чудесная мысль!

От возбуждения меня буквально трясло. Карла Маламоко. Шпионка, интриганка... интриган. Пользуясь своими личинами, он мог проникнуть в любое столичное общество. Иногда он был синьорой, иногда – юношей вольных нравов. Ньяга. Не будь мы с Маурой столь наивны, давно распознали бы маскарад. Панеттоне в него влюблена. И что? Неужели командор да Риальто позволит единственной дочери связать свою жизнь непонятно с кем? Тем более что и у Карлы есть жених в догата Негропонта. Жених? Боже мой, как это вообще возможно?

Горничные обернули меня в простыню и вывели в гостиную. Там уже стояло ростовое зеркало и суетилась стайка портних.

– Обождите, – велела Маура. – Платье наденем потом, сначала займемся лицом.

– На мне будет маска, – попыталась я безуспешно возразить.

– После полуночи, когда дона догаресса сменит официальный костюм на карнавальный наряд. – Дона да Риальто усадила меня в центре комнаты и рассматривала с видом великого живописца. – Старуха была права, две недели взаперти отразились на твоём лице не лучшим образом. Чего мы хотим добиться? Соблазнительной Филомены или величественной?

Видимо, я в состав этих «мы» не входила, потому что моими желаниями пренебрегли.

– Если позволите, – шепнула Констанс с поклоном, – до полуночи мы покажем миру величайшую правительницу, а после – самую желанную деву Аквадораты.

– Глаза? – переспросила Маура.

Горничная кивнула:

– А потом – губы и шея.

– Серебряная пудра.

– Золотая. Оттенок кожи слишком теплый для серебра.

Они продолжали перебрасываться отрывистыми фразами, понять значение которых я даже не пыталась. Девицы

знают, что делают, мне остается отдаться на их волю.

Прикрыв глаза, я ощущала щекотные прикосновения беличьих кисточек, одновременно мне что-то делали с волосами.

– Поднимайся, – велела Маура.

Простыня упала к моим ногам. Мельком взглянув в зеркало, я увидела невероятно бледную, сверхчеловечески глазастую и абсолютно голую себя. Высокую башню прически оплетали драгоценные цепи, в звеньях которых мерцали некрупные сапфиры, мочки ушей украшали сапфиры огромные.

– Вот в такие моменты, – Панеттоне подпихнула локтем помощницу, – я жалею, что женщинам обязательно нужно носить платья.

– Дона догаресса прекрасна, – вздохнула Констанс.

И прочие девушки с ней согласились. Похвала, особенно после критики тишайшей свекрови, пролилась бальзамом на мое сердце.

Я приблизилась к манекенам, стоящим у глухой стены. Их было два. На одном висело платье из золотой парчи, на другом – карнавальный наряд.

– Русалка? – спросила я скептически. – Ты же собиралась представить меня морской богиней.

Маура смутилась.

– Дона догаресса выглядит сейчас в точности как Афродита, явившаяся из моря, – хихикнула одна из горничных.

И девицы принялись обсуждать, какой эффект произвело бы мое появление перед публикой в костюме богини любви.

– Прости, – шепнула Панеттоне, – синьора Муэрто заставила всех дворцовых портных шить новые покровы для храма, это все, чего мне удалось добиться.

Русалка так русалка. Подозреваю, что и в этом костюме мне долго красоваться не предстоит. Я нужна Чезаре лишь для официальной части, может, он еще до полуночи даст мне развод, и тогда мне пригодилось бы нечто немаркое, в чем удобно будет возвращаться в город.

Парчовое платье давило на плечи, натирало под мышками и поскрипывало при любом движении. Туфельки, носки которых выглядывали из-под подола, обладали скользкой подошвой и неустойчивыми каблуками.

Мне велели зажмуриться и рассыпали над моей головой горсть золотистой пудры.

– Идеально, – решила Маура.

И я поскрипела к выходу. Клюка бы мне сейчас не помешала.

Глава 2

Бал у командора да Риальто

Продолжение

Процессия тишайших супругов подошла к острову Риальто на закате. В темнеющее небо взвились фонтаны фейерверков, когда главная галера причалила к пристани. Сначала на покрытые ковром доски высыпала свита, гвардейский караул занял свои места, командор да Риальто, оставив супругу, вышел навстречу и, низко поклонившись, подал руку доне догарессе. Синьора Муэрто лучезарно ему улыбнулась, но руки не приняла, опираясь на его серенити.

Дож с догарессой прошествовали в палаццо и шли столь близко друг к другу, что у публики не оставалось сомнений – в семействе Муэрто царит мир и любовь.

– Спальня в восточном крыле, – говорил некто в толпе с маской Арлекина на лице, – час после полуночи.

– Мы доставим туда синьору в костюме русалки, – отвечал господин в похожей маске.

– Юный Эдуардо не слишком пьян?

– Какая разница? Его, при необходимости, отнесут туда на руках.

– Западное крыло?

– Рыжеволосый здоровяк в костюме корсара получит за-

писку с приглашением в условленный час.

– А его синьора?

– Она разве не в деле?

Первый Арлекин ругнулся и покосился по сторонам, не прислушивается ли кто-нибудь из толпы к их разговору, затем склонился к самому уху собеседника.

Высокая черноволосая Коломбина, стоящая неподалеку, погладила пальцами брошь в виде крошечной саламандры. Если бы клоуны не были столь увлечены друг другом, они, наверное, удивились бы тому, что ящерка от прикосновения выпустила в воздух язычок пламени.

* * *

Командор да Риальто мне понравился. Он излучал добродушие и гостеприимство. И я бы с удовольствием шла под руку с ним, а не с его серенити, но знала: выпусти я руку супруга, моментально плюхнусь на землю. То есть на ковер, но это дела не меняет.

– Идиотская парча, – бормотала я, семена на каблуках, – дурацкое золото.

– Скажи спасибо, что тебя не заставляют носить шапку, – утешал Чезаре.

– Тебе хотя бы не вплетают ее в волосы! – Башня прически покачивалась при каждом шаге, больно натягивая кожу у висков.

Я злилась. За все время путешествия мне не удалось перекинуться с мужем словечком, зато синьора Муэрто, оказавшаяся с нами на одной галере, слова не сэкономила. Матрона уселась рядом, изгнав Мауру, и говорила, говорила, говорила... Не со мной. У нее для бесед была донна Раффаэле. Ах, какая, оказывается, распрекрасная жизнь была у Голубки Паолы на ее благословенном Помо-Комо! Море, солнце, быстроногие скакуны для верховых прогулок, скалы, чтоб лазить по ним, тренируя дух и тело! Панеттоне даже поинтересовалась, зачем же дражайшая синьора Раффаэле променяла этот рай на затхлость столицы. Зря спросила. Притворщица покраснела, многозначительно посмотрела на свое кольцо и горестно вздохнула. Любовь, разумеется, любовь. Именно то, что я, по мнению тишайшей свекрови, не могу предложить ее сыночку.

Донна Муэрто похлопала Паолу по плечу и принялась вещать о важности для женщины здоровья, потому что жизнь требует от нас многих усилий, иногда неожиданных. Вот, например, будь некто, кого свекровь не называет, покрепче, ее не шатало бы под весом парчового наряда, она проскакала бы с ним на плечах до острова Риальто, не замочив подола.

– Бьянка, – обратилась я к маркизете, устроившейся у борта, – ты помогла Филомену?

Она помогла, а теперь мило и непритворно краснела.

– Синьор Копальди смог найти для нас только костюм корсара, но синьор Саламандер-Арденте выглядит в нем чудес-

но.

Влюбленность фрейлины была столь явной и столь милой, что я улыбнулась. Кажется, братца взяли в оборот.

Когда галера причалила, Артуро принялся отдавать указания, кто и в каком порядке будет выходить.

– Отец, – пробормотала Маура, прижавшись к моему плечу. – Он идет к нам.

– Без супруги?

– Матушка, наверное, осталась у ворот палаццо.

– Дона догаресса, ваша очередь, – сказал синьор Копальди.

– Чезаре, твоя жена не может идти, – сообщила свекровь.

А Паола угодливо хихикнула.

Дождь ухватил меня под руку и приподнял.

– Она привыкнет, матушка.

Я старалась. Не привыкнуть, устоять на ногах. Идиотская парча, дурацкое золото.

Дона да Риальто, супруга командора, ждала нас у мраморных ворот палаццо. Она была пухленькой и невысокой, только глаза ее, в отличие от глаз дочери, оказались не голубыми, а янтарно-кариими.

Мы обменялись поклонами, ее был глубже. Командор, шествующий в двух шагах позади, пригласил нас следовать дальше. Бросив через плечо быстрый взгляд, я рассмотрела Мауру в объятиях ее матушки. Сам командор дочь приветствиями не удостоил, и я порадовалась, что подруга получит

сейчас толику родительской любви.

Во дворе нас встречал юный Эдуардо. Парчи на нем не было, но новый губернатор островов Треугольника едва держался на ногах. Что там говорила Панеттоне? Не злодей, а слабый и управляемый? В данный момент им управляло вино. Какой стыд. Синьор да Риальто глупо хихикнул, отвешивая шутовской поклон. Я поморщилась, а заметив быстрый взгляд супруга, покраснела.

– Примите благодарности, ваша серенити, и заверения в...

– Пустое, губернатор, – перебил Чезаре. – Надеемся, вы послужите во славу Аквадораты.

Тон супруга был скептичен, ни на что он не надеялся.

– Дона Филомена, – не унимался да Риальто-младший, – примите заверения...

Тишайший потянул меня за руку:

– Идем.

Шаг, другой. Я смотрела прямо перед собой. Стыд выжигал меня изнутри. Так иногда бывает, когда стыдно не за себя, а за другого. Хотя нет. За себя. И я была влюблена в это ничтожество? Хорошо, что здесь много людей, хорошо, что толпа быстро сомкнулась, скрывая от меня Эдуардо. Скорей бы полночь.

Музыка, вино, веселье. Нас усадили во главе стола в большой обеденной зале. Смотровое окно выходило на залив, арочные распахнутые двери позволяли видеть галерею и

часть двора. Везде горели разноцветные фонарики, между колонн язычками пламени извивались акробаты в пестрых костюмах.

Потянулись торжественные речи.

– Ничего не ешь, – велел дож, перехватив мой голодный взор. – Артуро должен сначала все проверить.

– Ну, вряд ли командор будет травить нас в своем доме.

– Законы гостеприимства его обычно в этом не ограничивают.

– Неужели? – Я посмотрела на синьора да Риальто, который как раз протокольно вещал с противоположного конца стола. – Он кажется таким милым.

– Именно, что кажется.

– Филомен сказал мне...

– Замолчи.

Я обернулась по сторонам. Рядом находились наши дворцовые слуги, соседние кресла у стола занимали наши придворные. Крысы? Филомен говорил, что во дворце завелись крысы. Значит, Чезаре не доверяет вообще никому. Как плохо и как сложно.

Поаплодировав командору, я спросила нейтрально:

– Какой костюм выбрал себе дражайший супруг для карнавала?

– Вот только нарядами я еще не занимался.

– А я буду русалкой.

Тишайший фыркнул.

– Его серенити не любит русалок?

– Его серенити не за что их любить, – пояснил дож любезно. – Они заколдовали его серенити.

– Тишайший Муэрто помнит имена злокозненных колдуний?

– Его тревожит любопытство, проявляемое серениссимой по этому поводу.

– А серениссиму печалит охлаждение к ней тишайшего супруга, – проговорила я, глядя прямо в глаза цвета спокойного моря.

Мое сердце ударилось о ребра и замерло в ожидании, я перестала дышать, боясь ответа.

– Может, – хрипло спросил дож, – мне удастся утолить печали серениссимы?

Нас прервали. Кардинал Мазератти желал произнести тост.

Чезаре его выслушал, приветственно поднял бокал и отставил его, даже не поднеся ко рту.

– Итак, – тишайший повернулся ко мне, прижавшись коленями, – на чем мы остановились?

Нас опять прервали. Дон да Риальто зазывал гостей на галерею, чтоб мы могли полюбоваться цирковым представлением. Пришлось вставать и тащиться наружу. Там по правую руку от сыночка воздвиглась синьора Муэрто, в чьем присутствии флиртовать не то чтобы не получалось, попросту не хотелось.

– Все хорошо? – весело спросила Панеттоне, прислоняясь к балюстраде.

В вышине на натянутом между башенками канате танцевала циркачка, и Маура запрокинула голову, любуясь силуэтом на фоне ночного неба.

– Прекрасно!

Толпа теснила нас со всех сторон, прижимая меня к Чезаре, его рука обняла мою талию. Я хотела еще что-то сказать подруге, но, когда зрители разразились аплодисментами после особо удачного кульбита акробатки, его серенити увлек меня куда-то в сторону.

– Тесоро...

Мы оказались в полутемной каморке под лестницей, шапка супруга уткнулась в деревянную балку, мне в бок уткнулась ручка швабры.

– Что ты там говорила об охлаждении? – после продолжительного поцелуя спросил Чезаре.

– Эдакой малостью моих печалей не утолить.

– А так?

Еще один поцелуй. Я подумала, прислушиваясь к ощущениям, и покачала головой:

– Может, после случки...

– Гадкое слово.

– Обычное.

– Не произноси его.

– А то что?

– А то я устрою тебе случку прямо в этом чулане.

– Какая нелепая угроза! – фыркнула я. – Всем известно, что для этого нужна кровать.

Его серенити привычно обратился к небесам, выражая на сей раз недоумение, где разводят таких незамутненных соблазнительниц. А я вспомнила, как он целовался с Паолой на причале палаццо Мадичи. Она тогда таяла в его руках примерно как я сейчас.

Поэтому, когда Чезаре потянулся ко мне снова, я отстранилась.

– Не время и не место, ваша серенити. Нам следует вернуться к гостям.

Не знаю, чего я ожидала. Дож, ни слова мне не сказав, развернулся и вышел. Дверца осталась болтаться на одной петле. И я осталась. Оскорбленная и несчастная. Гордая и несломленная.

– Филомена? – Петля подломилась, дверь рухнула, в проем заглянула Маура. – Наконец я тебя нашла.

– Панеттоне, – всхлипнула я, – представляешь...

– Потом, – перебила подруга, втискиваясь ко мне и обнимая за плечи, – у нас мало времени. Этот ублюдок здесь. То есть он не знает, что он ублюдок...

– Карла?

– Да, молчи. Она появилась на балу, будто ничего не произошло...

– Слава богу!

– Молчи! – Маура шептала едва слышно. – Он не подозревает, что мы его раскрыли. Филомена, я хочу проучить этого стронцо. Умоляю, сделай вид, что до сих пор ни о чем не догадалась.

– У меня-то это получится, а вот ты, Панеттоне, та еще притворщица. – А потом я вспомнила, как дона да Риальто водила меня за нос целых три года, и прикусила язык. – Хорошо. Надеюсь, ты отомстишь ему за всех пострадавших от их гадкого рода женщин.

– Рагацце, – негромко донеслось снаружи.

Голос принадлежал синьорине Маламоко, я его узнала.

– Мы с Чезаре целовались, – сказала я Мауре.

– А потом? – Панеттоне тоже сделала вид, что не услышала Карлу.

– Ну, все было довольно мило, пока я не вспомнила, как мы подглядывали за ним с Голубкой... Чикко! – Ящерка взбежала по моей руке, разбрасывая язычки пламени.

– Дона догаресса, – Карла присела в реверансе. Синий костюм Коломбины шел ей невероятно.

Как мы с Маурой могли принимать ее за девушку? Высокий воротник абсолютно точно маскировал адамово яблоко, оборки скрывали отсутствие груди, а пудра и румяна на лице – следы регулярного бритья. Да кого я обманываю? Не зная, что перед тобой мужчина, никто бы ни за что не догадался. Высокая, изящная худощавая синьорина – вот кто такая

Карла Маламоко. И ко всему наша ближайшая подруга, что бы там ни было у нее в штанах, то есть под юбкой.

Я бросилась обниматься.

– Где ты была? Зачем тебе понадобилась саламандра? Это его серенити дал тебе поручение?

Таккола покачала головой:

– Всему свое время, Аквадоратская львица, пока мне нечего рассказать.

– Филомена влюблена в мужа, – насплетничала Маура. – А он не может иметь детей. Поэтому почему-то перестал с ней спать. Карла, ты из нас самая опытная, это как-то связано?

– Что с чем?

– То, что Чезаре бесплоден, мешает ему исполнить супружеский долг?

– Дурацкий вопрос, – перебила я. – С синьориной Раффаэле ему ничего не мешало. Он же с ней спал?

– Паола говорит, что да. – Панеттоне наморщила лоб. – Но это было еще до пленения его серенити на Форколе.

– После этого он ни с кем не спал? – требовательно уставилась я на Карлу. – Ну, вы кузены, ты должна знать.

– Наверное, спал, – ответила Таккола слегка смущенно, – холостые мужчины время от времени делят ложе с... разными женщинами.

– Спрошу по-другому, – я многозначительно понизила голос. – У него были женщины в плотском реальном смысле или мой дражайший супруг распускал слухи о своем жено-

любии, чтобы как-то компенсировать во мнении света свой изъян?

– У меня сейчас лопнет голова, – пожаловалась Карла. – Про любовниц своего мужа спросишь у него лично.

В этот момент я и думать забыла о поле своей подруги.

Бесплодие или бессилие? Или и то и другое. Чезаре не возлег со мной, хотя получил все права на мое тело. Мы спали в одной постели много раз, но он не делал попыток мной овладеть. Дело во мне или все же в нем?

– Может, ты не умеешь соблазнять? – предположила Маура, когда Карла, обозвав нас дурами, удалилась и я озвучила свои подозрения вслух.

Она выглянула наружу и подмигнула:

– Никто ничего не заподозрил, мы ведем себя как обычно, то есть по-дурацки.

Я рассеянно кивнула:

– Мне нужна путтана, не фигурально, а настоящая профессионалка. Думаешь, такие есть среди гостей?

– Возможно. Только я не понимаю, зачем тебе такая женщина.

– Для совета и консультации. Может, я действительно не умею соблазнять.

И мы пошли искать синьорину Маламоко. Потому что только она могла показать нам путтана. Да и вообще, не оставаться же в чулане до полуночи.

По дороге я пожаловалась на голод, и Панеттоне предло-

жила заглянуть на кухню:

– Поработаю твоим пробовальщиком, дона догаресса, на-
следницу да Риальто в отчем доме вряд ли отравят.

– Скандал получился бы знатный.

Распаренные кухарки встретили нас глубокими поклона-
ми:

– Ваша серенити, синьорина Маура.

Та рассеянно ответила на приветствия и потянула носи-
ком:

– Жарко. Перекусим снаружи.

Одна из поварят быстро собрала нам корзинку со снедью,
другая стерла паутину с пузатой оплетенной бутыли.

– Выйдем черным ходом, – решила Панеттоне и громко
сказала девушкам: – Если нас с доной догарессой будут здесь
искать, вы ничего не видели.

Тайная дверца оказалась за прокопченной свиной тушей,
подвешенной к потолку. Узкий коридорчик вывел нас во
внутренний хозяйственный дворик. Тут зеленели огородные
грядки и располагался колодец, прикрытый круглой дощатой
крышкой.

Маура поставила корзину на эту импровизированную сто-
лешницу.

– Располагайся, Филомена.

Табуретами нам послужили два полена.

– То самое знаменитое изюмное вино? – спросила я, отпив
из бокала.

– Амароне, – кивнула она. – Эдуардо предпочитает его прочим. Знаешь, оно довольно крепкое. Можно развести водой.

Вода была рядом, под крышкой. Но чтоб ее набрать, нам пришлось бы убирать кушанья и пыхтеть под тяжестью досок. Я отказалась.

Лепестки пикантной свинины, чудесного прошутто буквально таяли во рту. Оливки и сыр, свежая зелень. Ничего лучше я не могла бы получить и за праздничным столом. Кстати, знаменитое амароне мне не понравилось, тем более что после него на меня напала сонливость. Чикко спокойно пыхтела у уха. Она была привычно прохладной. Кажется, Карла хорошо за ней ухаживала.

Я потянулась и тряхнула головой, прогоняя дрему.

– Это твое тайное место?

Маура тихонько зевнула.

– Да. Эти грядки были свидетелями многих девичьих истерик. Здесь я укрывалась, когда хотелось побыть в одиночестве.

– Что там?

Подруга посмотрела, куда я указала.

– Лесенка на внутреннюю балюстраду. К стене с другой стороны примыкает дворцовый сад.

Мы сложили посуду в корзинку и оставили ее у колодца.

– Прогуляемся по саду, – предложила Маура. – Дадим вину время выветриться.

– Мы же собирались найти Карлу.

– Она сама нас найдет. – Панеттоне хихикнула, вспомнив что-то забавное. – Я так радовалась нашей с ней встрече, так прижималась в объятии...

Я приподняла брови.

– О боже, Филомена, ты не можешь быть столь невинной!

Я могла. И еще недавно тщательно бы эту свою невинность скрывала. Но сегодня решила отбросить притворство.

Дона да Риальто мне объяснила, я хмыкнула:

– Путтана мне теперь не нужна.

Глаза подруги округлились.

– Не вижу связи.

– Оплодотворение у людей происходит не снаружи, а внутри. Как у дельфинов, а не как у рыб.

– Дельфины не рыбы?

– Нет, они живородящие и... очень похожи на людей, даже в том, что занимаются этим не только для деторождения, но и для удовольствия. И, кстати, не обязательно с противоположным полом.

Когда я закончила свою небольшую лекцию, щечки подруги пылали.

– Это ужасно, Филомена. Ты не можешь говорить о любви в таких выражениях.

– Именно в таких, – возразила я. – Если бы не все эти туманные метафоры, что набрасывает на процесс случки человеческая поэзия...

– Это плохое слово!

– Обычное. Кто мог подумать, что мы похожи на этих легкомысленных болванов, а не, например, на благородных морских коньков или рыб-ангелов, которые создают пару однажды и на всю жизнь.

Маура вывела нас к подножию каменной стены, и теперь мы шли по дорожке, петляющей между цветочных клумб, фонтанов и декоративных деревьев, украшенных разноцветными яркими фонариками. Платье натирало под мышками и придавливало к земле, каблуки вязли в гравии. Хотелось прилечь на ближайшую скамейку и подремать.

– И как дельфины подзывают самку? – поинтересовалась дона да Риальто.

Я издала высокую горловую трель, закончив ее шелканьем. Какой-то случайно забредший в сад гость испуганно на меня посмотрел, даже Чикко вздрогнула и забила хвостом.

Маура всплеснула руками.

– Ты доведешь его серенити до сумасшествия.

– Стой! – Схватив подругу за плечо, я увлекла ее в кусты.

Замерев и прижавшись друг к другу, мы пережидали, пока будущий безумец в сопровождении секретаря пройдет мимо нашего укрытия. Зачем мы прятались? Ну... Не знаю. Наверное, виновато вино.

Шуршание золоченых сапог дожа о гравий приблизилось.

– Артуро, проследи, чтоб нам с синьориной никто не помешал, – велел тишайший и уселся на мраморную скамью в

паре шагов от нас.

Теперь, если бы мы с Маурой попытались вылезти, оказались бы точно пред очами моего супруга.

– У него свидание с Паолой, – шепнула я на ушко Панеттоне. – Гадкий сластолюбивый дельфин.

– Поцелкай ему языком, может, он предпочтет тебя.

Я ущипнула ее за мягкий бок. Издевается еще над моим горем.

На дорожке появилась высокая фигура в наряде Коломбины.

– Карла, – вздохнула Маура.

– Я тебе говорила, что дельфины часто случаются с особями своего же пола? – шутливо спросила я и зашипела от боли.

Дона да Риальто умела щипаться. Тоже мне, жертва.

Я дернула ее за белокурый локон, она наступила мне на ногу и укусила в плечо. Чикко, видимо, не желая занимать ничью сторону, сильнее сжала лапки, чтоб не упасть. А могла бы и помочь. Хотя, если начистоту, дерись я по-настоящему, шансов у Панеттоне не было бы ни единого.

Наша возня могла нас выдать, поэтому я, по праву сильнейшего, предложила молниеносное перемирие, и мы обратились в слух. На губах Мауры блестела моя золотистая пудра, ноздри раздувались. В ночном воздухе сгушалось ядовитое облако ревности. Перед моим мысленным взором разворачивались брачные игрища веселых дельфинов. Реальный

же взор наблюдал в основном колени собеседников, прочее скрывалось ветвями колючих кустов. Дождь с синьориной Маламоко сидели рядышком.

– Надеюсь, ты не попался на глаза синьоре Муэрто? – спросил Чезаре.

– Чудом, – ответила Карла. Хотя нет, Карло, его настоящий голос оказался абсолютно мужским. – Горничные узнали меня даже в маске. К счастью, тетушку удерживает подле себя супруга командора.

– Ты прибыл вовремя.

– Даже раньше, я ждал вас здесь с пятницы в составе группы циркачей.

– Маэстро Дуриарти?

– Да, кукольник исполняет приказы экселленсе.

– Прекрасно. Князь тоже здесь?

– И все Ночные господа в полном составе. Лукрецио желает насладиться представлением.

Дождь хмыкнул и закинул ногу за ногу, его сапог покачивался буквально в нескольких шагах от меня.

– Что с документами?

– Архив Саламандер-Арденте? Он действительно в палатке Мадичи, но изучить его мне не удалось.

– Гаденьш Лукрецио мне его не отдаст.

– Теперь-то уж точно. Я его сжег.

– Зачем? – возмутился Чезаре.

– Таковы правила, ваша серенити, собственность Совета

не должна находиться в чужих руках.

– Старик Фаусто тебя за это похвалит.

– Да, отец будет доволен.

Я знала, что Маламоко исстари были членами таинственного Совета десяти, организации, не подчиняющейся даже дожу и обладающей огромной шпионской сетью, накрывающей не только Аквадорату и колонии, но и часть материков.

– Теперь мне понятно, зачем ты утащил с собой волшебного питомца Филомены.

– Незаслуженная похвала, – ответил Карло. – Саламандра помешала бы экселленсе охранять нашу серениссиму. То, что Чикко помогла мне с пожаром, лишь счастливая случайность.

Маура дернула меня за рукав. Оказывается, я почти вывалилась из кустов, пытаясь не упустить ни словечка из разговора. Забавно, насколько мужские интонации Карло отличались от женских. Синьором он был безэмоционален, почти как древний вампир.

Погодите. Охранять? Чезаре меня не ревнует к князю? Это даже обидно.

– И, кстати, – продолжал Маламоко, – экселленсе с архивом также не повезло. Ему не удалось вскрыть шкатулку до того, как она была уничтожена.

– Хоть одна хорошая новость. Ладно, отложим секреты семейства догарессы на потом. Что ты узнал о командоре?

– Ничего сверх уже известного. Некое тайное общество

существует, но мне не удалось выяснить ни одного имени, кроме да Риальто.

– Плохая работа.

– Заговор зреет в таких заоблачных высях, куда мне хода нет.

– Но?

– Но некий пригожий служка сообщил по секрету, что кардинал Мазератти тайно встречался с командором да Риальто в своей материковой резиденции.

– Как любопытно. И на что это похоже?

– На то, дражайший кузен, что заговор инициирован кем-то со стороны и что монсеньор организовал некоему сановнику встречу с нашим объектом.

– Вот ведь лицемерный гаденыш.

– Если ты желал кардинальской преданности, тебе не стоило уводить из-под его носа барыши от транспортировки рыцарей большой земли. Зная Мазератти, он в лепешку расшибется, чтоб тебя наказать.

– Я не готов платить такую цену за такую преданность. – Чезаре поменял ноги. – Ладно, пустое. Сегодня мы выведем из игры командора, и этому «некоему» придется показать свой обиженный нос. А потянув за него, мы вытащим на солнышко монсеньора. Ты уже понял, зачем понадобился мне на сегодняшнем балу?

Карло ответил после ощутимой паузы:

– Надеюсь, что я ошибся.

– Твой объект – синьорина да Риальто. Мне нужно, чтоб она не вышла замуж ни за кого из Саламандер-Арденте. Наверняка уже подготовлено все, чтоб Мауру застали с капитаном Филоменом в недвусмысленной ситуации.

– Спальня в западном крыле палатцо. Синьор капитан через час после полуночи получит записку с приглашением.

– Ты уже в курсе? Чудесно. Филомен, разумеется, никуда не пойдет. На свидание явится ближайшая подруга доны да Риальто, чтоб утешить ее и поддержать. Но наутро вместо бойкой девицы...

– Нет.

– Что ты сказал?

– Что не желаю подвергать Мауру да Риальто позору.

– Карло, твоя детская влюбленность нелепа.

Панеттоне сжала мою руку с нечеловеческой силой. Счастье, что до сада доносился праздничный шум, потому что я зашипела от боли.

– Если я исполню этот приказ, ваша серенити, юная девушка будет опозорена на всю жизнь. Она не сможет выйти замуж не только за кого-нибудь из Саламандер-Арденте, она не сочетается браком никогда.

– Посидит с полгода в каком-нибудь монастыре и вернется ко двору. Это неплохой вариант развития событий.

– Нет.

Чезаре помолчал, каблук золоченого сапога постукивал по земле.

– А знаешь что, Карло? – сказал дож весело. – Иди к черту! Роль любовника может исполнить кто угодно. Даже Артуро. Какая чудесная мысль. Синьор Копальди давно уже положил глаз на твою пухлощекую подружку. Мауру застукают с ним. И, в отличие от тебя, мой секретарь сможет жениться на ней хоть завтра. Я их и поженю. Командору нечего будет возразить. Я его, разумеется, прикажу выпороть – не командора, а Артуро – за прелюбодеяние и притащу под венец. Так даже лучше. Дона догаресса останется при своей фрейлине, командор – без шахматной фигуры в своей партии, а ты – с носом!

У супруга с носами связано что-то личное? Что он поминует их через слово?

– Как ты нейтрализуешь Эдуардо? – спросил Маламоко спокойно.

– Сначала скажи, что ты в деле, что займешься доной да Риальто.

Снова пауза и раздраженный возглас:

– Черт тебя дери, Чезаре! Я в деле.

– Ну вот и славно, – промурлыкал его безмятежность, как сытый кот. – Новоиспеченному губернатору островов Треугольника я подготовил воистину щедрый подарок.

Дождь придвинулся к собеседнику и, кажется, зашептал ему на ухо, потому что больше ничего расслышать не удавалось. Ну, то есть кое-какие возгласы, удивленные и одобрительные, несколько раз звучало имя князя Мадичи. Заскучав, я

посмотрела на Мауру. Ее пухлые щечки пылали, глаза влажно поблескивали, но губы растягивала абсолютно счастливая улыбка.

Противоречивые чувства. Вот как это называется. Они обуревали и меня. Стронцо Чезаре и стронцо Карло! Поганные маламоксские интриганы. Муэрто ведь тоже наполовину Маламоко, правда? Кузены, кракен их раздери. Еще и заставили мою малышку-мадженту устраивать пожар в палаццо Мадичи.

Пальцами свободной руки я погладила саламандру. Молодец, девочка, ты научилась улавливать не только мои мысленные команды. Если нам удастся вывести потомство, я разбогатею просто до неприличия. Филодор говорил, что некоторые нужные качества при разведении достигаются только во втором поколении, и отец с ним соглашался. Брат ссылался на какие-то научные изыскания, родитель – на опыт. Кстати, подбор самца тоже лучше предложить батюшке. Дворцовые каминные саламандры, конечно, не вульгарис, но статей не выдающихся.

Когда уже эта тайная беседа закончится? Ноги от скрюченной позы затекли, мне хотелось их размять. Странно, что нас с Панеттоне никто не обнаружил. Хотя ничего странного. Лестница, по которой мы спустились в сад, скрыта лианами плюща, верный Артуро не мог ее заметить. Он сторожит эту часть сада у главных дорожек, с той стороны, откуда могут забрести случайные гуляки. Чезаре с кузенком не опасая-

ются быть подслушанными. А если будут замечены, изобразят любовное свидание, и им поверят. Ну какая девица устоит перед дожем безмятежной Аквадораты? В такой-то шапке! Никто не устоит.

С каким бы удовольствием я вколотила эту шапку по самый подбородок любезному супругу. Будет мне тут еще подруг позорить! А меня он спросил? Хотя почему меня? Спрашивать надо синьорину да Риальто, которая дрожит у моего плеча и едва сдерживает слезы. Или это не слезы, а, напротив, нервный смех?

– Время, ваша серенити, – позвал издалека синьор Копальди, наш почти родственник, если считать, что Маура мне почти сестра. – Вас ждут в главной зале.

– Ступайте первой, донна Маламоко, – велел Чезаре, – нам не стоит появляться вместе.

– Как будет угодно его безмятежности, – голос Карло вновь стал женским.

Не знаю, как это получалось, он не пищал, не жеманничал, но даже интонациями передавал прелесть юной синьорины.

Женские туфельки удалились, их сменили мужские.

– Шпионка добыла нам архив? – возбужденно спросил Артуро.

– Он уничтожен. – Дож со вздохом поднялся. – Будем надеяться, что наш дражайший тесть Саламандер-Арденте поделится с нами информацией.

– Отправим за ним гвардейцев?

– Вот только скандала с арестом нам для полного счастья не хватало! И без того город полон сплетен, не будем усугублять. Папаша приплывет в Аквадорату сам. Кстати, где моя супруга? Я уже более часа лишен удовольствия терпеть ее выходки.

– Ты слишком строг к Филомене.

Они рука об руку удалялись по дорожке, и ответ Чезаре донес ко мне ночной ветерок:

– Классические дамские штучки, дружище: опалить жаром страсти и сразу изобразить холодность. В гроб она меня загонит, попомнишь мое слово. Нам подготовили общую спальню? Наутро найдешь там мой хладный труп. Или, напротив, обугленный, это уж как повезет.

Несколько бесконечных минут мы ждали, пока шаги дожа и секретаря затихнут вдалеке.

– Можно выходить, – решила я.

– Возвращаемся через кухню.

– Как скажешь.

Перебегая из тени в тень, мы пробрались к лесенке.

– Что ты про это думаешь? – спросила Маура, когда мы уже очутились в колодезном дворике.

Она прихватила пустую корзинку, чтобы вернуть ее кухаркам.

– Я первая хотела спросить.

– И опоздала. Отвечай.

– Думаю, – я вздохнула, – что синьор Копальди, вероятно,

работает на твоего батюшку.

Кажется, это была не та тема, которая интересовала дону да Риальто. Она равнодушно переспросила:

– Из чего ты сделала такой вывод?

– Чезаре не рассказал ему, что Карло – мужчина.

– И?

– И хотя угрожал Маламоко привлечь Артуро к операции по твоему опозориванию, этого не сделал. Моя очередь спрашивать. Что ты об этом думаешь?

Маура хмыкнула, отодвинула свиную тушу, отдала корзину прислуге.

– Пройдемте, дона догаресса, нас ждут на празднике.

По коридору мы шли в молчании. Голоса гостей раздавались все громче. Я думала.

– Ну, – сказала наконец Панеттоне, – каков будет наш злодейский план?

– Его не будет, пока я не получу твоего ответа. Кого ты хочешь, Карло или Артуро? Или никого из них?

– Я люблю черноглазого ублюдка.

Глаза синьора Копальди были карими, так что я поняла.

– Ты простишь ему согласие на свой позор?

– Если он его прикроет браком, да.

Я вздохнула:

– Какая ты дурочка, Панеттоне.

Она не спорила.

– У тебя есть план?

– Пожалуй, да, и вполне злодейский. И, кстати, быть опозоренной по нему сегодня тебе не светит.

Мы остановились. Я притянула к себе белокурую головку и зашептала на ухо.

Маура хихикнула:

– Маркизету я тоже возьму на себя.

– Учти, – предупредила я серьезно, – нам понадобится согласие обоих.

– Поверь, мы его получим.

– И еще, я, в отличие от тебя, не влюбленная дурочка и никого прощать не собираюсь. Маламоко согласился с приказом дожа, и если сделает хотя бы попытку...

– Ты поклянешься не лезть в мою семейную жизнь.

Вот ведь пухлая командирша. Она уже все для себя решила, и догаресса должна воплощать ее решение. Эх, не на ту синьорину упал взгляд его серенити! Какая правительница могла бы получиться из доны да Риальто!

– Гуляешь, Филомена? – На пороге залы нас встретила Голубка Паола. – Не боишься, что твой супруг это заметит?

– Даже догарессы должны посещать уборную, – зачем-то ответила я. – Хочешь там за мной подтереть?

Маура отчетливо хохотнула.

– Ты не видела Карлу? – спросила я Бьянку, стоявшую неподалеку.

Там же отирался рыжеволосый корсар в полумаске, в котором я без труда опознала своего старшего брата.

– Она ушла переодеваться. Скоро начнется карнавал.

– Тебе нужно быть подле супруга. – Маура подтолкнула меня в сторону стола. – Сейчас он будет говорить речь. Доне Сальваторе, после мы с вами поможем доне догарессе надеть карнавальный костюм. Дона Раффаэле, не смею вас задерживать на пути к уборной.

Обращай на нас хоть кто-нибудь внимание, Паола, разумеется, изобразила бы обиду, может, даже расплакалась. Но в отсутствие зрителей обожгла Мауру злобным взглядом и устремилась к синьоре Муэрто.

Любопытно, насколько ей удалось сблизиться с моей свекровью? Ей она льет в уши тот же яд, что и прочим? Притворяется скромницей, чтобы понравиться набожной вдовушке, или демонстрирует ловкость, чтобы заслужить одобрение?

Панеттоне мне подмигнула и повела подбородком в сторону маркизеты, ее она брала на себя.

Идти к столу в одиночестве было неловко, туфли скользили по паркету. Я выдернула из толпы Филомена.

– Веди, родственник.

– Ты пила? – Он потянул носом и поморщился.

– Амароне, – подтвердила я гордо. – Дорогое, между прочим, вино.

– Жизнь в столице тебя развратила.

Мы медленно шли через залу, неуклонно сокращая расстояние, отделяющее меня от дражайшего супруга. Место по левую руку от него пустовало. С другой стороны восседала

синьора Муэрто. Спинку ее стула облюбовала в качестве на-
сеста Голубка Раффаэле. Вот ведь гадина, уцепилась в дере-
вяшку своими пальцами и нашептывала что-то, касаясь сво-
им клювом золоченой шапки дожа.

– Кстати, о разврате, – обрадовалась я. – Что это за неле-
пый флирт с маркизетой Сальваторе?

Филомен стал смущенно оправдываться. И вовсе не неле-
пый, и вовсе не флирт. Бьянка невинней котенка и несчаст-
нее... С метафорами у братца не очень складывалось. Си-
ньорина Сальваторе была очень, сверхчеловечески несчаст-
ной. Подруга ее предала, отец не любил.

Про подругу стало любопытно. Я переспросила. Некая
девушка, имени которой Филомену не сообщили, увлекла
несчастную Бьянку в вампирское логово, и уже потом она
узнала, что ее невинную кровь предложили князю Мадичи
в качестве оплаты.

– Это ужасно, – прошептала я. – Сальваторе покусали?

– Экселленсе поклялся, что он абсолютно ни при чем.

– То есть ты с ним об этом говорил?

– И не только говорил.

Бицепс Филомена под моей рукой ощутимо напрягся.
Значит, еще и подрался. Рыжий рыцарь Саламандер-Арден-
те при прекрасной даме Сальваторе. После такого принято
жениться.

– А если бы князь тебя цапнул?

Мои шаги были уже столь небольшими, что еще немного,

и я бы остановилась.

– Однажды меня уже кусали, – сообщил брат с улыбкой и торжественно провозгласил: – Передаю вам супругу, ваша безмятежность!

Я села подле Чезаре.

– Матушка, – сказал он, – позволь представить тебе синьора Саламандер-Арденте, нашего бравого капитана.

Свекровь выразила счастье таким кислым тоном, что у меня свело скулы, и похвалила цветущий вид нового родственника, предположив, что все положенное судьбой здоровье досталось Филомену, минуя меня.

Братец не обиделся, а мог бы, между прочим. Он смотрел на синьору Муэрто как сирота на десерт. Да и чего ему оскорбляться, ведь это не его только что обозвали дохляком, а всего лишь его единственную сестру. Такая ерунда, право слово.

– Госпожа... – лепетал рыжий предатель. – Хозяйка... Это честь...

– Оставьте, капитан, – строго прервала его матрона. – Мы побеседуем с вами позднее.

Филомен низко поклонился и продолжал кланяться, пятясь от стола. Я, конечно, могла бы удивиться его странному поведению, или представить, как его кусали материковые вампиры, или посчитать количество оливок на серебряном блюде передо мной. Но Чезаре взял меня за руку и спросил:

– Где ты была?

– Плакала в чулане.

– Все полтора часа?

– Именно.

– Не ври, я там тебя искал.

«Сам не ври! Я прекрасно знаю, где именно ты находил-ся!» – могла бы я ответить, но промолчала. Чикко сбежала по моей руке на стол. Мы оба посмотрели на саламандру. Она была золотой.

– Кстати, – протянул супруг, – я тоже не был с тобой до конца честен.

– В чем именно?

Маджента подбросила оливку как мячик. Командор да Риальто со своей стороны стола провозгласил:

– Скоро полночь, мы встретим карнавал словами его серенити.

Дождь встал и поднял бокал, на его ободке помахивала хвостиком малышка-саламандра.

– Дамы, доны, синьоры и синьорины, господа, граждане безмятежной Аквадораты...

Чикко вела себя странно. Я наблюдала за ней, скосив глаза. Маджента окунула хвост в вино, потрянула им, брызги заалели на скатерти. Саламандра оставалась золотистой, но хвост, которым она теперь размахивала без остановки, стал глянцево-черным.

– ...в этот праздничный час... – продолжал Цезаре.

Я не слушала. Чикко спрыгнула на стол, подбежала к мо-

ему бокалу, повторила свои манипуляции. Опять черный хвост. Речь супруга подходила к концу, гости поднимались с мест, чтоб выпить стоя. Руку, которой я потянулась к бокалу, обожгло огнем. Не фигуральным. Саламандра выпустила в меня струю пламени.

Бокал я все же взяла, но так неловко, что содержимое его выплеснулось на грязную уже скатерть.

Отсалютовав пустой посудой, я шепнула:

– Не пей, вино отравлено.

– Я знаю, – ответил дож, широко улыбаясь гостям. В его бокале уже было пусто, как и когда он успел его вылить, я не заметила. – Кстати, о лжи, Филомена. Развода я тебе не дам.

– Вообще или сегодня?

Он не ответил. По протоколу тишайшей чете полагалось покинуть залу первыми.

– Дона догаресса.

Наши парчовые рукава встретились и переплелись, супруг уводил меня под руку.

– Чикко, – позвала я, и саламандра вернулась ко мне на ухо.

– Она умеет определять яд? – спросил Чезаре.

– Как оказалось, да.

– Полезная зверушка. И, кстати...

Он отвлекся, отвечая на чье-то приветствие, кивнул синьору Копальди:

– Артуро, скажи ребятам заняться светловолосым вино-

черпием в лиловом костюме, он подсыпал яд в наши с доной Филоменой бокалы.

Помощник рыскал взглядом по толпе.

– Будет исполнено.

– Кстати, о зверушках, – напомнила я супругу, когда мы шли через залу.

– О полезности. Ты полезна мне, Филомена, мне и Аквадорате. Ты останешься со мной.

Противоречивые чувства, которые я испытала в этот момент, классификации не поддавались. Тут была и обида, потому что некто считал себя вправе решать за меня, и злость, и бессилие, и нелепая радость, и азарт. Мы еще посмотрим, ваша безмятежность, зачем вы меня желаете, для дела или для любви. И кому я нужна, вам или Аквадорате, и кому из вас больше. Сегодня вы получите передышку, но лишь потому, что «полезная» Филомена будет занята другими делами. Тишайший дельфин, вы угодите в мои сети, и мы составим вполне достойную разнополую пару. Вас заколдовали фюрколские сирены? Я и с этим разберусь, не будь я дочерью своей матери.

Мы вышли на террасу под ночное небо Аквадораты. Двор, запруженный людьми, сверкал огнями и блестел маскарадной мишурой. Некоторых гостей в дом не приглашали, здесь веселилась публика попроще. Кое-какие дамы красовались обнаженными грудями. Это были путтана, и одной из них предстояло сегодня стать моей учительницей в науке соблаз-

нения.

Нас с дожем оттащили друг от друга. Артуро звал его серенити переодеться, Маура требовала того же от меня.

Люди внизу тоже чего-то требовали. Поцелуя!

– Нельзя разочаровывать подданных, граждан безмятежной Аквадораты! – прокричала я.

Подпрыгнув, я обвила руками шею супруга. Тот покачнулся, но устоял.

– Целуй, стронцо.

– Этот вот рот, которым ты так грязно выражаешься?

И губы Чезаре встретились с моими. Грязи он не боялся.

Дурацкая парча, идиотское золото. Почему нельзя ходить голыми? Одежда мешала. Пальцы ощущали мужскую шею, но их царапал обод шапки. Я сожгу ее!

Тишайший отстранился, в его глазах бушевало море.

– Самое время изобразить холодность, тесоро.

И, раскланявшись, будто балаганный шут, его серенити ушел.

– Даже завидно, – решила Панеттоне. – Если вы вытворяете такое на публике, боюсь представить, на что способны в постели.

– Невинным синьоринам это представлять не положено, терпеливо дожидайся, пока тебя опозорят, – огрызнулась я. – Пошли переодеваться. Что Бьянка, ты ее расспросила?

– О, наша маркизета влюблена как кошка, она даже осмелилась спросить своего родителя о возможности брака с

неким захудалым синьором.

– И что маркиз?

– Разумеется, отказал.

Местные слуги провожали нас в покои, так что беседу пришлось на время прервать. Командор да Риальто отвел тишайшей чете огромную спальню в центральной части палаццо. К ней смежными комнатами примыкали две гардеробные и обширная ванная. Комнаты свиты располагались дальше по коридору.

В моей гардеробной уже ждал костюм русалки.

– Все прочь, – велела командирша. – Я лично переодену дону догарессу. Инес, Констанс, принесите мой наряд сюда. Ангела, дежурь у двери и никого сюда не пускай. Лу, Чечилия, найдите дону Маламоко, она нужна нам для первого танца, пусть ждет внизу.

– Какой еще танец? – спросила я, сбрасывая туфли.

– Что-нибудь изобразим, – отмахнулась Панеттоне, – не зря ведь мы столько часов посвятили этому благородному искусству в стенах «Нобиле-колледже-рагацце». Повернись, я помогу снять платье.

– Ты получила записку?

Маура показала мне кованый ключ.

– От спальни в западном крыле. Я удостоилась устного приказа батюшки, переданного, правда, через секретаря. Мне велено быть в условленном месте уже через час после полуночи и запереть дверь на ключ, когда рыжий болван...

Прости, Филомена, я цитирую дословно. После этого ключ предписано выбросить в окно и начать орать, одновременно разрывая на себе одежду.

– То есть утра ждать не будут?

– Видимо, командор да Риальто сомневается в силе женских чар любимой дочурки. – Маура задорно хихикнула: – И раз уж мы заговорили о предусмотрительности дона да Риальто, надо обезопасить тебя от зеркальной ситуации в другой спальне.

– Это не наша забота, пусть Эдуардо занимается его серенити. Хотя я бы посмотрела, что за сюрприз он ему подготовил.

– Расскажешь потом. Подозреваю, что я в это время все еще буду водить за нос лживого Маламоко.

И эта про носы. Синонимов в аквадоратском диалекте не осталось? А как же «морочить голову», «обводить вокруг пальца», «околпачивать», в конце концов?

В дверь постучали, горничные принесли наряд Панеттоне.

– Мы все будем русалками? – спросила я. – И ты, и я...

– И Карла, и Бьянка, и даже мускулистая Голубка. Твой костюм, разумеется, побогаче. Кстати, одевайся.

– Кто-то собирался мне помочь.

– Жизнь во дворце тебя развратила. – Маура уже стояла передо мной в одних чулках.

– То же самое мне сказал Филомен, – вздохнула я, натягивая узкую нижнюю юбку.

Подруга поинтересовалась, как братец относится к нашей маркизете. Я рассказала все, о чем удалось узнать.

– Раффаэле, – Маура изобразила смачный плевок, – она притащила Бьянку к экселленсе. То-то Сальваторе вдруг полюбила шелковые шарфы на шею. А синьор Саламандер-Арденте, значит, стал грудью на защиту?

– Классика. Дева в беде и отважный рыцарь.

– Ну, значит, тут все сладилось. Сальваторе говорит, за ней дают приличное приданое, а от покойной матери ей достался серебряный рудник, в права владения она вступит сразу после брака. Так что, если маркиз прокатит нас с приданным, а он может, рудник все равно останется за нами. То есть за вами, за Саламандер-Арденте. Ты получаешь богатую невестку, дона догаресса. И, кстати, если папаша новобрачной от злости окочурится, твой брат вполне сможет унаследовать через супругу титул.

Я погрустнела.

– Будут ли они счастливы? Имеем ли мы право вмешиваться в чужие судьбы?

– Бьянка бы все равно своего добила, – уверенно сказала Маура. – Она втрескалась в Филомена с первого взгляда, а он, заметь, тогда был еще с бородой.

– Это довод!

– Еще какой. Не в обиду, но эта рыжая мочалка на подбородке добавляет капитану лет двадцать.

Я все еще сомневалась, Маура повертелась перед зерка-

ЛОМ.

– Сальваторе собиралась склонить синьора Саламандер-Арденте к побегу. Она даже умудрилась договориться со священником острова Николло о тайном венчании.

– Филомен бы не согласился.

– Как знать. Они уже целовались. Раз двадцать, и не подомелой, как одна нам с тобой известная синьорина с известным синьором, а в темных уголках дворца.

– Брат путешествовал с Чезаре. Когда они успели?

– А они не теряют времени на пререкания, как та же самая знакомая нам синьорина с уже другим синьором.

– Путтана!

– Нет, просто влюбленная девица.

– Да я не ругаюсь. Панеттоне, я видела среди гостей путтана. Мне нужно побеседовать с одной из них.

Маура хихикнула:

– Сначала пообещай, что ты в деле, Аквадоратская львица. Потому что кроме тебя затолкать капитана Саламандер-Арденте в спальню некому. Его серенити будет этому всячески препятствовать.

Я тоже рассмеялась. «Пообещай, что ты в деле!» Фразочка из диалога кузенов Маламоко.

– Я в деле, Маура.

– Тогда и я ради тебя постараюсь. Девица с голой грудью будет доставлена пред твои аквамариновые очи сразу после первого танца. Теперь садись, я сделаю тебя самой желанной

русалкой наших безмятежных вод.

Она распахнула дверь.

– Все сюда, займитесь волосами доны догарессы.

Чикко, принявшей уже цвет морской волны в тон костюму, пришлось сидеть на плече Инес, пока меня расчесывали и колдовали над лицом.

Платье Мауры было другого оттенка, голубого, а пайетки на подоле не золотыми, а серебряными. Грудь украшали нити морского жемчуга. Когда подруга распустила волосы, она действительно стала походить на русалку, не настоящую, а такую, как их принято изображать на картинах. Разве что ни одна нарисованная русалка не щеголяла в серебряной полумаске.

Я поднялась с табурета и подошла к зеркалу. Мое кольцо было аквамаринным, драгоценные камни мерцали на коже, припорошенной золотистой пудрой. Губы призывно алели, глаза в прорезях полумаски казались темными и загадочными, приподнятые перламутровыми гребнями волосы открывали изгиб шеи и уши, на правом притворялась драгоценностью маджента.

Горничные восхищались, особенно когда дона да Риальто стала рядом со мной. Мы смотрелись чудесно. Но мне чего-то не хватало.

Я сообщила об этом.

– Карлы! – сказала Маура. – Нас должно быть трое. Блондинка, брюнетка и рыжая.

– Дона Маламоко уже переделалась и ждет дону догарессу внизу, – сказала Лу. – Она очень недовольна, что ее заранее не предупредили о танце.

– Ах, недовольна, – протянула Панеттоне, и тон ее ничего хорошего не предвещал. – В следующий раз, Филомена, не забудь предупредить нашу муранскую Галку недели за две, лучше письменно.

Горничные захихикали, переглядываясь. Я шутовски поклонилась и заверила, что предупрежу синьорину Маламоко посредством площадного оглашения не позднее чем за полгода.

В дверь, ведущую из гардеробной в спальню, требовательно постучали. Констанс ее отворила, и все горничные присели в реверансе.

– Ваша серенити.

Чезаре, изображающий Посейдона в белоснежной тоге и с трезубцем наперевес, придирчиво осмотрел своих русалок:

– Неплохо.

Отсутствие восторга меня обидело.

– Божественная колесница ждет морское величество у окна, а синьора Копальди вы одели лошадью? – начала я глумливо и прыснула, потому что появившийся за плечом дожа Артуро был в костюме кракена. С его плеч спускались к полу восемь шупалец, а нос черной маски походил на клюв. – Примите восторги, синьоры. Тщательность, с которой вы подошли к делу, поражает воображение.

Кракен посторонился, и в гардеробную вошла еще одна русалка, в платье столь светло-голубого оттенка, что оно могло показаться белым. Узкое по всей длине, оно плотно облегло стройную фигурку синьорины Раффаэле и было щедро украшено драгоценной алмазной крошкой. Русые волосы Паолы были тщательно завиты и подколоты с одной стороны гребнем в виде веточки коралла.

«Да она красавица, – подумала одна часть меня. – Кто бы мог заподозрить такую красоту под серыми тряпочками?»

«Она вышла из вашей спальни! – вопила вторая. – Из твоей, кракен тебя раздери, спальни, с твоим мужем вышла посторонняя женщина!»

«Чезаре был с Голубкой не один, – успокаивала третья. – С ними был Артуро».

«Это, наверное, называется любовь втроем», – предполагала четвертая.

Меня в этот момент разорвало на тысячу лоскутков, и каждый из них имел что мне сообщить.

– Я помогала его безмятежности одеться, – потупилась Голубка.

«Сдохни!» – подумала я, а вслух похвалила фрейлину за услужливость и мастерство:

– Набросить тогу на плечи стоило, наверное, немалых усилий? А подать трезубец! И сандалии зашнуровали? Какая вы молодец, донна Раффаэле.

Маура фыркнула ровно с такой громкостью, чтоб быть

услышанной, но не наказанной. Губки Паолы дрогнули, из глаз полились прозрачные слезы. Как предусмотрительно с ее стороны было подвести только верхнее веко, обезопасив себя от грязных разводов на щеках.

Я мысленно застонала. Опомнись, Филомена, не дай втянуть себя в ссору. Голубка делает все, чтоб представить тебя вздорной горячкой.

Злодейский план ринуться с утешениями и носовым платком, чтоб все-таки размазать сурьму по личику притворы, в жизнь не воплотился. Во-первых, Чезаре не дурак и все поймет. Во-вторых, хороша я буду, если супруг станет грудью на защиту своей поко-комской розы. А в-третьих, дона Раффаэле может неловко упасть, как бы от удара, или вообразить угрозу и лишиться чувств. Да ну его, вариантов масса, и ни в одном из них я не побеждаю.

– Наденьте маску, Паола, – вздохнула я. – Не следует показываться на людях заплаканной.

Посейдон и Кракен предложили страдалице свои носовые платки. И она взяла оба. Жадная... гадкая... путтана.

Последнее слово направило мысли мои в другое русло:

– Дражайший супруг явился сопроводить меня на карнавал? Идемте? В конце концов, по слухам, владыка Посейдон держал подле себя целый гарем жен, у тишайшего же Муэрто их сегодня будет пять. Дона Маламоко ждет нас внизу. Где дона Сальваторе? Паола, она разве не с вами?

Ответ был озвучен едва слышным, полным страдания ше-

ПОТОМ:

– Бьянка еще одевается, дона догаресса, она спустится позже.

Артуро помогал Голубке закрепить атласную белую полумаску, щупальца топорщились и мешали. Я взглянула на Инес, чтоб она взяла дело в свои руки, но Паола, перехватив мой взгляд, всхлипнула и протянула маску Чезаре.

– Подержи. – Сунув мне трезубец, супруг поспешил на помощь.

Автоматически я проверила заточку. Нанизать и запечь. Голубятина на вертеле. И скормить крысам. Нет, голубям, они жрут себе подобных с превеликим удовольствием. Ненавижу и тех и других, и крыс и голубей. Голубей больше, а уж одну конкретную Голубку – до скрежета зубовного.

Паола хихикнула от щекотки, Чезаре извинился. Я разжала пальцы, трезубец упал, задев табурет, тот с грохотом перевернулся. Все посмотрели на меня.

– Дона да Риальто, проводите меня на праздник.

– Да, дона догаресса.

И мы вышли из гардеробной.

– Дура, – вполголоса ругалась Маура на ходу, – Паола этого и добивалась, появиться на карнавале под руку с Чезаре. Не могла сделать вид, что тебе все равно?

– Не могла. Да почему я вообще должна притворяться? Сластолюбивый дельфин. Пусть катится. Пусть живет втроем с Артуро и своей лживой Голубкой. – Остановившись, я

повернулась лицом к подруге. – Ты заметила, как он на нее смотрел?

– Я заметила другое, Филомена, на кого он смотреть избегал. Тишайший хотел вызвать твою ревность.

– Зачем?

Панеттоне пожала плечами.

– Может, отомстить за ту, что вызываешь в нем ты, может, чтоб удостовериться в твоих чувствах. А тебе нужно было или сдерживаться, или уже идти до конца, закатив грандиозный скандал. Раньше ты не ограничивалась полумерами.

Последняя фраза меня очень обидела. Тряхнув волосами, я гордо вздернула подбородок и пошла по коридору. Посмотрим, булочка моя сдобная, как ты запоешь, когда перед тобой появится объект твоей страсти. Я тоже тебе потом расскажу, как именно следовало бы себя вести, и укажу на ошибки. Потому что все влюбленные женщины постоянно ошибаются.

Глава 3

Ради дружбы и любви

Синьоре Муэрто, матери тишайшего, отвели покои на первом этаже палаццо. Хромота синьоры затрудняла подъем по лестницам, на этот факт указал управляющий Пассерото во время личной беседы с Доной да Риальто, когда занимался размещением свиты дожа.

Торжественный ужин закончился, синьора Муэрто ушла к себе. Дона Раффаэле, фрейлина догарессы, в чьи обязанности входила помощь матроне, поворошила поленья в горящем камине, спугнув дремлющую саламандру.

– Госпожа желает переодеться?

– Не желает. – Синьора Муэрто села в кресло у камина и уставилась на огонь. – А ты, милая, ступай.

– Время терпит. – Девушка присела на скамеечку у ног синьоры. – Если бы не обязанности фрейлины, я предпочла бы остаться с вами до утра.

– Не любишь веселья?

– Не люблю быть на вторых ролях.

Светлые глаза посмотрели на нее одобрительно:

– А ты откровенна.

Паола невесело улыбнулась:

– Его серенити, еще до того как стал тишайшим, расска-

зывал мне, что синьора Маддалена ненавидит вранье.

– Что еще он тебе поведал?

– Что его матушка отважна и сильна, как древняя воительница, не любит политических интриг, не склоняется перед титулами, а в людях более всего ценит верность и прямоту.

– Полагаю, мой хитроумный сын готовился тебя мне представить?

Дона Раффаэле украдкой вытерла слезы.

– К сожалению, его планам помешали.

Матрона молчала, в глазах отражались язычки каминного пламени.

– Мой отец не дал разрешения на брак, – продолжила девушка. – Пять долгих лет я провела на Поко-Комо, практически в заточении. Время от времени меня выпускали из комнат, чтоб представить благородных синьоров, по мнению бабюшки, достойных моей руки. Я всем отказала.

Она плакала уже не скрываясь.

– Полгода назад на острове появилась группка святых сестер одной из обителей, я поняла, что меня будут готовить к постригу. И тогда... тогда... Меня вынули из петли в последний момент.

– Самоубийство – смертный грех.

– Я была в отчаянии!

– И что же, синьор Раффаэле устыдился и позволил тебе вернуться к Чезаре?

– Я попросила разрешения попрощаться, еще раз взгля-

нуть в любимое лицо перед тем, как навсегда удалиться из мира.

– Но ты поступила в «Нобиле-колледже-рагацце».

– Это было не моей идеей. Отца ко двору не приглашали, деловыми связями в Аквадорате он не обзавелся, так что придумал повод: обучение наследницы. Боже мой, какая глупость! Я оказалась в компании малограмотных легкомысленных девиц, в головках которых есть место лишь мыслям о танцах и флирте. Мне пришлось скрывать свои знания, чтоб особо не выделяться среди товарок.

Паола смущенно запнулась.

– Простите мне это нелепое хвастовство.

– Как ты собиралась увидеться с его серенити?

– Особых планов у меня не было. Я надеялась на удачу. И она пришла. В первый же мой школьный вечер дон Муэрто, тишайший был инкогнито, поэтому я позволила себе его так назвать, проплывал мимо наших окон в гондоле. Мы узнали друг друга, хотя он был в маске, а я... Мы встретились на пристани палаццо Мадичи.

– В колледже столь вольные нравы?

– Ах, разумеется, я тайно сбежала. – Вздогнув от недовольного возгласа собеседницы, Паола потупилась. – Тамошние благородные девицы именно так и поступают. Уже возвращаясь к себе, я заметила снаружи и Филомену с ее приспешницами. Видимо, они наблюдали мое с Чезаре свидание и решили помешать нашей любви.

– Филомена тоже встречалась там с мужчиной?

– Если чудовищного князя можно так назвать. Я ненавижу сплетни. Но ученицы шептались, что синьорина Саламандер-Арденте постоянно бегают в палатку Мадичи. Тогда еще не было известно, что экселленсе пробудился и... – Паола опять запнулась. – Простите, это всего лишь слухи, далекие от правды. Благонравие доны догарессы выше подозрений.

– Да уж... – Пальцы матроны поигрывали на вершием трости. – Однако что это за любовь, если ей может помешать рыжая бесстыдница?

– Чезаре обещал мне брак. Батюшка должен был завтра явиться на аудиенцию во дворец дожей, то есть на третий день после обряда обручения с морем.

– Об этом обручении я слышана.

– Госпожа понимает все хитроумие чудовищной интриги Филомены? Она поставила тишайшего в безвыходное положение. Он не мог пренебречь подарком моря, не вызвав недовольствия всех граждан Аквадораты, своих подданных. И теперь эта лицемерка портит ему жизнь, продолжая плести сети интриг. Ей мало титула, мало звания супруги, она желает унижить и растоптать наши чувства. Назначить меня своей личной фрейлиной, чтобы ежечасно наслаждаться моими страданиями, это ли не подлость?

Синьора Муэрто ничего не ответила. Паола, будто обесилев, затихла, опустив голову на грудь. Они довольно долго молчали.

– Сделаем так, милая, – наконец проговорила матрона. – Ступай к его серенити, передай, что мать желает его видеть немедленно.

Дона Раффаэле пружинно поднялась, удостоившись одобрительного взгляда синьоры, и побежала к выходу.

Отсутствовала она довольно долго, а когда вернулась в сопровождении Чезаре, на ней уже был карнавальный костюм.

– Не слишком парадные покои, – хмыкнул дож, щурясь от сумрака спальни.

– Слава богу, Аквадората – республика, а не монархия, а я не королева-мать.

– Я прикажу зажечь светильники, – предложила Паола.

– Подожди в коридоре, – велела матрона, – разговор с твоим Посейдоном будет недолгим, и после ты сопроводишь его на карнавал.

Улыбка доны Раффаэле на мгновение разогнала сумрак лучше любой лампы. Потом девушка выскользнула из комнаты и плотно прикрыла за собой дверь.

Чезаре сел в свободное кресло у камина.

– Прости, я должен был нанести визит, не дожидаясь приглашения.

– Плохой сын.

– Другого у тебя нет.

Трость описала молниеносный полукруг, сбивая прислоненный к спинке кресла трезубец.

– Прости, – повторил Чезаре примирительным тоном, – я

правда собирался прийти. Завтра же утром буду весь внимание и сыновняя почтительность.

– Завтра?

– Именно на рассвете завершится небольшая интрижка, посвящать в которую матушку мне бы не хотелось.

– Ты не заигрался?

– Может, самую малость. – Чезаре широко улыбнулся. – Но именно ради таких вот игр я согласился терпеть на голове рогатую шапку дожа. Ты хотела мне сообщить нечто срочное? В то, что ты приплыла поздравить меня со свадьбой, я не верю.

– Я спешила ей помешать, но, к сожалению, не успела. Караибские шторма сожрали почти неделю пути. Шхуну потрепало, тебе придется оплатить ремонт.

– С удовольствием. Я, представь, немного разбогател с последней нашей встречи.

– Четверть с четвертью, – фыркнула матрона. – Интриги! Похвастаться потом.

– Ты упомянула, что собиралась предотвратить мой брак с Филоменой. У тебя были видения?

– О морских чудовищах, увлекших тебя в пучину вод вместе с твоей дурацкой шапкой и обручальным кольцом на пальце. Но я, как уже было сказано, опоздала, поэтому будем играть с теми картами, что розданы. Ты разведешься.

– Нет. То есть не скоро. Матушка, дона догаресса обожаема народом и полезна Аквадорате.

– А тебе? Я же прекрасно помню, сколько ты приходил в себя после истории на острове Поко-Комо. Ты любил и страдал.

– Вижу, ты уже опознала личность синьорины Раффаэле.

– Она хорошая девушка, горячая, смелая, порывистая.

– И ловкая! Полчаса назад она влезла по лианам плюща в окно моей спальни, придерживая подол платья зубами.

– И пышет здоровьем.

– Никакое здоровье не поможет ей подарить тебе внуков.

– Кажется, ты успел заразиться злоязычием у Филомены.

Чезаре смутился.

– Прости, если обидел. Матушка, давай отложим беседу. Я открою тебе свое сердце, сдерну завесу с планов. Хочешь, мы вместе сбежим из дворца в доки, чтоб осмотреть шхуну? Твоя команда разместилась с удобствами? Мы даже можем захватить с собой Паолу, она обожала когда-то лазить по мачтам. Или пригласить Филомену, чтоб вы с ней попытались подружиться.

За дверью раздалась какая-то возня.

– Кажется, мне пора. Ты точно не пойдешь на карнавал?

– Ступай. – Матрона поднялась, грузно опираясь на трость. – Иди с Паолой, пусть твоя горделивая женушка слегка помучится ревностью.

– Матушка!

– Она тебя не любит. Каково? Как можно не влюбиться в такого красавца? У нее ледяное сердце.

Чезаре отвел синьору Маддалену к кровати и подхватил с пола свой трезубец.

– И это мы тоже обсудим.

Он поклонился, залихватски забросил на плечо подол карнавальнoй тоги и удалился. Дона Муэрто прилегла на постель. Ноге требовался отдых.

Родительница дожа не любила интриг, но лишать себя удовольствия лично лицезреть финал одной из них не собиралась.

* * *

Карла Маламоко ждала нас во дворе под балюстрадой. Светло-синее платье с жемчужными вставками и воротником под горло, волна кружев на плечах и груди, синяя полумаска с бахромой из крошечных ракушек, волосы распущены и спадают почти до пояса смоляной волной.

– Что за танцы, рагацце? – недовольно спросила она.

Маура отогнала ревнивым взглядом некоего Арлекина, оттирающегося в неприличной близости от черноволосой русалки, и легкомысленно махнула рукой:

– Поводим хоровод, два-три раза присядем в поклонах, ничего сложного. Лучше скажи мне, милая Таккола, нет ли среди присутствующих путтана твоих старых знакомых? Дона догаресса желала бы с ней побеседовать.

Дона да Риальто ворковала, прижимаясь к Карле всем те-

лом. Запрокидывала голову, заглядывая в лицо. Она флиртовала! И прेमилло. Смотри, Филомена, и учись. Теперь, зная все обстоятельства, я замечала, каким жадным блеском зажигаются черные глаза от близости Панеттоне, как дрожат губы и подгибаются колени под синим подолом. Так тебе и надо, хитрый интриган. Страдай от неутоленных желаний. Хотя, кажется, страдать тебе недолго. Маура желает быть обесчещенной и идет к своей цели напролом. Пусть только немножечко потерпит. Сегодня сцена ждет других актеров.

Толпа напирала со всех сторон, гости ожидали появления дожа, чтобы начало карнавала стало официальным.

– Серениссима, – прошелестело у уха.

Высокий синьор в маске Вольто обнял мои плечи, защищая от толчеи.

– Ваше сиятельство, – обрадовалась я, – вы уже здоровы!

– Не совсем. – Князь отодвинул маску и показал мне безобразный ожог на подбородке. – Святая вода действует на нас почище кислоты.

– Какой кошмар!

– Вам противно мое уродство?

– Нет, что вы. Погодите, Лукрецио, вы, кажется, кокетничаете? Желаете комплиментов?

– К сожалению, серениссима, мои желания невозможно исполнить.

Маска вернулась на место, а князь шагнул в сторону, увлекая меня подалее от подруг.

– Вы готовы к представлению, Филомена?

– К танцам?

Он сокрушенно вздохнул, заставив меня хихикнуть.

– Ах. Лукрецио, я знаю, что эти две недели вы охраняли меня, изображая томную страсть. Я благодарна. Поэтому от-
вечу без обиняков: я готова ко всему.

– Вас собираются похитить, чтоб доставить в спальню к юному да Риальто.

– Вы этому воспрепятствуете.

– Да. Я просто хотел предупредить, чтоб вы не испугались появления Ночных господ.

Толпа возбужденно зашумела, на возвышение в глубине двора вышли музыканты, стража командора стала оттеснять гостей в сторону, расчищая пространство у лестницы.

– Ваш выход, серениссима, – сказал экселленсе, снимая руку с моего плеча. – Ваш Посейдон сейчас появится.

– До встречи.

Расталкивая локтями гостей, я пробралась к подругам. Карла как раз любезно сообщала стражнику, напирющему на нее, куда и как она засунет ему его алебарду.

– Наконец-то! – Маура подтолкнула меня вперед. – Немедленно пропустите дону догарессу.

Первые аккорды прозвучали, когда его серенити сошел с первой ступеньки. Синьорина Раффаэле замешкалась, попыталась оттолкнуть Кракена. Дальше я не смотрела, Панетто-не дернула меня за руку, увлекая в хоровод.

Зрители аплодировали, мы с Маурой, касаясь плечами, сделали круг друг напротив друга, я сменила партнершу. Карла приподняла меня за талию, заставив на мгновение зависнуть. Этот танец я помнила, мы репетировали его в школе, теперь для экзамена придется разучивать другой. Шаг, другой, поворот, шаг, прыжок. Замечательно. Мы сохраняем синхронность движений. Поклон, плие, поворот.

Талию обвили мужские руки.

– Первый танец супругу, дона Филомена.

– Посейдону нужно уделять внимание всем своим женам, – проворковала я, меняя партнера.

Плюшевые щупальца Кракена щекотали под мышкой.
Смена.

– Неплохо пляшешь, – похвалил Филомен, наступая мне на ногу.

– Ты получил записку от некоей синьорины?

– Да, я туда не пойду.

– Маркизета Сальваторе будет безутешна.

– Что?

Смена партнеров. Какой-то пузатый Арлекин.

– Вы так прекрасны, дона догаресса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.